

Евгений СУХОВ

Я - ВОР

В ЗАКОНЕ

ВЕНЕЦ КАРЬЕРЫ ПАХАНА

Сага о крупной партии алмазов, находившейся под личным контролем Сталина и ставшей объектом пристального интереса зарубежных спецслужб, сотрудников ФСБ, ювелирных фирм и воров в законе.

ЭКМО

Евгений Евгеньевич Сухов

Венец карьеры пахана

Серия «Хитник», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166068
Евгений Сухов. Венец карьеры пахана: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-15692-5*

Аннотация

Разъяренные зэки бросались на автоматы и колючую проволоку. Бунт в одном из уральских лагерей был жесточайше подавлен, пролилась большая кровь. А кроме этого, бесследно исчез контейнер с алмазами, который транзитом шел через особую лагерную зону. Вор Фартовый последним видел ящик с алмазами. Он наказал своему сыну отыскать алмазы. Прошли десятилетия, и алмазы из пропавшего контейнера стали всплывать в элитных салонах зарубежья. Сын Фартового – тоже вор в законе – пустил своих людей по алмазному следу. Но камушками интересуются и ФСБ, и иностранные спецслужбы, и крупные ювелирные компании... А «белые» меж тем находятся у двух безвестных старателей, которые знают, что ходят по лезвию бритвы, но расставаться со своей добычей совсем не спешат...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	41
Глава 4	67
Глава 5	87
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Евгений Сухов

Венец карьеры пахана

Глава 1

КОМУ ПРОДАТЬ «ЗЕЛЕНЬ»?

«Нива» уверенно бежала по проселочной дороге, весело подпрыгивая на ухабах. До дома Васильевича было каких-то километра четыре, единственное неудобство представляла изрядно разбитая колея. Однако и это расстояние можно было сократить, если проехать лесом. Вырулив на просеку, Никита Зиновьев углубился в чащу. Смеркалось, следовало торопиться. Сумерки в лесу особенно коварны, не успел опомниться, а ночь уже накрыла с головой. Правда, местность он знал хорошо, не заблудился бы – приходилось здесь бывать и в прошлые времена, единственное, чего он опасался, так это проплутать лишних полчаса в густом и темном лесу. Это было бы неувидительно, дорог в этом районе немного, места необжитые, свернул в сторону на полсотни шагов и затерялся, а то и вовсе угодил в какую-нибудь гиблую болотину.

А потому следовало быть повнимательнее.

Рядом подремывал Антон Фомин. Никита всегда удивлялся его способности мгновенно засыпать. Порой казалось,

что любую свободную минуту тот использовал для восстановления сил. Вот только присели ненадолго, а он уже и веки смежил. Машину слегка подбрасывало на многочисленных выбоинах, отчего голова приятеля безвольно раскачивалась из стороны в сторону, что совершенно никак не отражалось на его сне, наоборот, он храпел еще энергичнее и громче, в такт двигателю.

Антон просил разбудить его, как только машина углубится в лес, но расталкивать приятеля Никита не спешил. Возникло желание побыть наедине с собственными мыслями. Разговор обязывал настроиться на определенную эмоциональную отдачу, но сейчас не было желания даже шевелить языком. Кроме того, за время совместной работы они о чем только не переговорили. Практически не существовало темы, которую они не затронули хотя бы вскользь.

Никиту, да и не только его, поражала удачливость Антона. Неудивительно, новичкам всегда везет! Порой создавалось впечатление, что этот парень чувствует драгоценные камни за версту. Взять хотя бы нынешний сезон. Два месяца целой бригадой выгребали тонны земли, перебрали тысячи валунов, но фарт упорно не желал идти в руки, а потому приходилось довольствоваться парой горсточек небольших бериллов, которые не идут ни в какое сравнение с изумрудами. Камней, добытых за сезон, едва хватало на то, чтобы покрыть расходы на бензин, расплатиться с бульдозеристом, который разравнивал отвалы. И нечего было даже и думать о

том, чтобы сколотить некое состояньице на черный день, работая с такими результатами. А потому сворачивали лагерь безо всякого настроения, проклиная собственное невезение, а заодно и драгоценные камни, так глубоко запрятанные от людского взора.

Повезло лишь только тогда, когда Никита с Антоном решили поработать самостоятельно. Отделившись от группы, они встали лагерем километрах в пяти от прежней стоянки. За первые три дня им удалось нарыть только с дюжину бледных александритов, а на четвертый, в самый последний день, когда уже были свернуты палатки, и оставалось забросать пожитки в «Ниву», чтобы отчалить восвояси, парням по-настоящему подфартило.

Неподалеку от входа в палатку лежал огромный гнейсовый валун, скатившейся с соседнего склона, наверное, еще в доисторические времена. Поросший темно-зеленым мхом, заплесневелый от времени и влаги, он примелькался им и не вызывал никакого интереса. Антон не однажды грозился, что обязательно займется этой глыбой, но всякий раз, возвращаясь усталым после целого дня изнурительной работы, оставлял задуманное на потом.

– И все-таки, я эту глыбу разобью! – глянув на валун, сказал Антон и, подойдя к валуну, присмотрел на нем заметную трещинку. Размахнувшись, он ударил по ней кувалдой, вкладывая в этот удар всю накопившуюся злость.

Валун не разбился на куски, разошлась лишь слегка тре-

щина, показав темное волокнистое нутро каменюки. Антону пришлось ударить еще несколько раз, прежде чем гнейсовая глыба поддалась окончательно и обнажила раковистый неровный излом.

С минуту Антон оторопело смотрел на блестящую неровную поверхность, отказываясь верить в увиденное, но потом кувалда выскользнула из его ослабевших пальцев, и он, стараясь не показать волнения в голосе, позвал:

– Никита! Иди сюда!

Швырнув в багажник машины палатку, Никита нехотя пошел к разбитому валуну. Некоторое время он в полнейшем молчании рассматривал друзы топазов, торчащие из пустот, затем, справившись, наконец, с нахлынувшими чувствами, выдохнул:

– Ни хрена себе!

Антон широко улыбнулся.

– Вот-вот, и я о том же!

Здесь же, на волнистом изломе, выднелось несколько занорышей, из которых зелеными кошачьими глазами блестели изумруды. Причем каждый из них был каратов на десять и невероятной чистоты. Любой такой камень сделал бы честь самому престижному ювелирному магазину.

Сожалеть о потраченном зря времени было поздно, осталось лишь мечтать о том, как было бы здорово начать полевой сезон именно с этой глыбы, которая находилась у них под самым боком. Расколол ее, собрал торчащую «зелень»,

да отбыл в обратном направлении, даже не разбив палатку.

– На сколько они потянут? – спросил Антон.

Протянув руку, Никита все еще не решался дотронуться до зеленой глянцевиной поверхности, воспринимая случившееся почти как сказку. Он всерьез опасался, что стоит только закрыть глаза, как это видение тотчас рассеется белесым дымком.

– Думаю, что каждый из них потянет на тысячу баксов, а может, и больше, – уверенно отвтил он. – Зяму знаешь?

– Это такого сипатого, что ли?

– Он самый. Так вот, в прошлом году мы с ним на железку ездили. Дней на десять... Я там камушек нашел немного поменьше этого, так он у меня его сразу за штуку купил. А эти-то побольше будут. А вон тот в центре, – показал он на полость, из которой выглядывали изумруды, напоминавшие толстые карандаши, – наверняка тысяч на пять потянет! А может, и подороже... Смотря на какого клиента попадешь. На каждый камень свой покупатель должен быть. Ну и повезло нам, я скажу. Как мамонтам! – восторженно выдохнул Никита. – Не зря тебя называют счастливчиком. Ты мне удачу приносишь. Попробую его отковырнуть, – он поднял с земли молоток.

Примерившись, Никита ударил по самому краю глыбы. Гнейсовая порода удачно отслоилась, а отбитый кусок упал в высокую траву.

– Бляха-муха! – выругался Антон. – Ты же по демантоиду

колонул! Карата на три будет!

Никита невольно сплюнул. Так оно и есть, переливчатый камушек рассыпался в белую пыль. Удар пришелся по самой его головке. Странно, что он не заметил его сразу, ведь демантоид торчал вызывающе, выставив на обозрение коричнево-зеленую грань.

– Знаешь, я поздно заметил, только уже тогда, когда молоток на удар пошел. Что-то блеснуло, думал, слюда, – с некоторой неловкостью отвечал Никита. – Не шарахать же себе по ноге.

– Уж лучше бы по ноге саданул.

– Ладно, хрен с ним, – отмахнулся Никита. – Тут этих камней столько, что можно три года не работать, а только пить да гулять, не просыхая.

– Верно, – махнув рукой, согласился Антон. – Еще и на черный день останется.

– А вон там, видишь, блестит?

– Ну?

– Фенакит... Он в оправе очень хорош.

– А все-таки демантоид жаль, такие крупные очень редко встречаются. Считай, что пять тысяч баксов на ветер выбросил.

– Ну, понимаю я все, – несколько раздраженно ответил Зиновьев. – Так что, теперь меня убивать, что ли, за это?

Антон только хмыкнул.

– Так уж и убивать... Живи пока!

Подняв с травы отбитый кусок гнейсовой породы, Никита с интересом принялся рассматривать кристаллы. Длинные, ромбические, плотно припаянные гранями к гнейсовой поверхности, они не желали расставаться с материнской средой и слегка поблескивали изнутри манящим травянистым светом.

На первый взгляд они не представляли собой ювелирной ценности. Стекланный блеск темно-зеленых граней особо не впечатлял. Следовало иметь немалый поисковый опыт и богатое воображение, чтобы понять, что имеешь дело с незаурядной вещью. Такие образчики как эти, безо всяких трещин и с необычайной прозрачностью, можно встретить только один раз в несколько лет, и то при невероятнейшей удаче, которая, – увы! – перепадает далеко не всякому.

– Давай аккуратно сложим все образцы. А уже дома отпрепарируем их как следует. – Антон широко улыбнулся. – Знаешь, у меня мечта есть...

– Какая?

– Сделать себе золотую печатку, а на нее камушек поместить вот такого размера, – показал он на прозрачный светло-зеленый изумруд величиной с крупный лесной орех.

Никита в ответ только хмыкнул.

– Пижон ты, однако! Сверкнешь где-нибудь в баре таким камушком, так у тебя его вместе с головой оторвут. Я тебе вот что советую. Если у тебя появилась какая-то капуста, так ты молчи и никому об этом не рассказывай! Нас и так со

всех сторон пасут. И менты, и ФСБ, и братва! Да всех не перечислишь, – в отчаянии он махнул рукой. – И каждый хочет от нас чего-то поиметь. Так зачем же на свою задницу искать приключения!

– Тоже верно.

– Хорошо, что понимаешь.

– Знаешь, о чем я думаю?

Никита, стараясь ненароком не сбить драгоценные зеленые головки, принялся отбивать породу вместе с изумрудами. Действовал он теперь крайне осторожно, всякий раз выверяя силу удара. Наступала самая ответственная часть, надо было умело извлечь находку. Изумруд – камень хрупкий, хотя и твердый, он требует бережного обращения. Хотелось обойтись без брака.

– Ну?

– Хорошо, что мы хитники, а не «черные» старатели. Камушки вот ходим, ищем а не золото моем...

Удар получился аккуратный, точно выверенный. Гнейсовая порода, сколовшись точно по линии напластования, упала под ноги Никите. Подняв щетку изумрудов, он не без удовольствия посмотрел камешки на свет, любуясь их безукоризненной прозрачностью, и довольно ответил:

– Это уж точно!

С краешка обнажился светло-зеленый демантоид. Весьма приятный сюрприз. Никита любил этот камень за свет, переливающийся у него внутри. Когда-то в старину их называли

зелеными бриллиантами. И было за что!

– Я тебе не рассказывал, как золотишко в Магадане намывал? – Антон усмехнулся.

Из валуна, строптиво пробивая слоистую поверхность, торчал крупный изумруд. Просто так к нему не подлезть. Требовалось тонкое зубило. И отколачивать самоцвет следовало вместе с породой, чтобы не разбить его. Антон достал из рюкзака инструмент и, установив его в небольшую трещину, несильно стукнул молотком. Пластинка гнейса легко отслоилась, оголив еще один драгоценный камень. А вот его можно взять просто руками. Расшатав изумруд, Антон аккуратно положил его в мешочек, где уже лежало несколько таких же камушков.

– Что-то не припоминаю. – Никита сосредоточенно рассматривал обломки валуна.

– А вот послушай... Три года назад это было. С друганом я поехал, в армии вместе служили. Он родом оттуда, все места там знает. Приехали на какую-то речку под Ягодным и целых три месяца намывали золотишко лотком в каком-то ручье. Вода холодная, стоишь согнувшись – собачья работа, в общем! У меня потом после этого руки стало ломить. А нас, оказывается, все это время пасли! Такие как мы там по всей тундре толпами ходят. И вот как только мы начали в обратную дорогу собираться, подъехали к нам на вездеходе каких-то четверо козлов. «Стволы» в лоб наставили и золото отобрали.

– Обидно.

– Не то слово! Я еще считаю, что мы легко отделались. Позже узнал, что в том районе пятерых «черных» старателей замочили сразу же после нас.

– Золото не хотели отдавать? – поинтересовался Никита, бережно вылуцивая берилл.

Камень хороший, пусть и уступает изумруду по цвету, но подарок будет шикарный – девушки ценят подобные безделушки. Из такого камня можно сделать очень хорошие кабашоны, – придал камню округлую форму, вставил его в подходящую оправу, и получится весьма качественный кулон.

– Скорее всего... В Магадане сейчас ингуши заправляют. А они не особенно церемонятся. Все «черные» старатели у них на контроле. Наверное, предложили продать им золото по бросовой цене, те не согласились. Вот и грохнули!

– Значит, считаешь, что камнями повыгоднее заниматься? – спросил Никита, обходя валун с противоположной стороны.

Для себя он уже решил, что не уедет с этого места до тех пор, пока не расколется всю эту глыбу на мелкие куски. Вот только как бы поудачнее приступить к этому, чтобы не повредить изумруды, плотно спрятавшиеся внутри?

Антон непроизвольно хмыкнул.

– Вот взгляни на этот камушек. Один такой изумруд стоит больше всего того, что мы намывали за две недели.

Никита довольно улыбнулся.

– А ведь некоторые камни и по полмиллиона могут стоить!

– Ты видел такие?

– Пару раз было, – довольно протянул Зиновьев. – Первый раз три года назад, соседи наши по лагерю нашли. Вместе ковырялись в одной жиле, а повезло им. А вот другой раз – в прошлом году. Кололи точно такую же глыбу, ну, может быть, немного поменьше. Валун почти пустой был, только мелкие такие изумрудики встречались по всей поверхности, как налет. Потом на полость наткнулись, а из нее, представляешь, торчит изумруд в палец толщиной. Не темного цвета, а вот как раз такой, какой нужно, салатный. И прозрачность почти идеальная.

– Без трещин?

– Одна трещина была, но она по самому его краю прошла. Совсем незначительная.

– И куда же потом этот камень делся? – заинтересованно спросил Антон.

Никита махнул рукой.

– Темная там история вышла. Гера, парень, который нашел изумруд, сказал, что у него покупатель есть на этот камень. Отдали изумруд Гере, а он исчез. Как говорится, ни камня, ни Герасима.

– А может, скрысятничал?

Никита отрицательно покачал головой.

– На него это не похоже. Тут что-то другое. А потом куда

он денется от хиты? Кто в хитники подался, век им будет. Тут у него вся жизнь прошла. И для него это не самые большие деньги были, он многое повидал. Видимо, кому-то не тому доверился. Там, где большие деньги, всегда появляется и большая опасность. Хорошие камни, конечно же, очень здорово, но нужно еще знать, как с ними обращаться и кому сдавать.

– Тоже верно.

– Давай расколем эту глыбу. – Никита показал на соседний валун. – Вот чувствует мое сердце, что она внутри полна «зеленки»!

Глыбу кололи осторожно, стараясь угодить по трещинам и по линии спаянности. Несколько минут молчаливо, по-деловому разбивали крупные гнейсовые осколки, глуховатый стук молотков негромко отзывался где-то в глубине смешанного леса.

Наконец, Никита разогнулся и, сердито поддев носком обломок пустой породы, вздохнул:

– Ни хрена здесь больше нет! Ты посмотри, я чуть молоток не сломал, – показал он на разбитый черенок.

– Того, что мы взяли, тебе на год вперед хватит, – убежденно отозвался Антон. – Едем к Васильевичу?

Никита задумался. Высыпав из холщового мешочка несколько только что добытых камушков, он принялся рассматривать их с еще большим интересом, пытаясь выявить возможные дефекты. Безо всякого преувеличения можно

было сказать, что сегодняшней день оказался самым удачным за последние три года его хитничества. За это время через руки Никиты прошло немало камней. В какой-то степени он стал неплохим специалистом и мог с большой долей уверенности определить стоимость каждого камня. Но то, что он держал в руках теперь, было очень далеко от того, что ему приходилось видеть раньше. Камни были совершенно прозрачными и большими, и, что особенно ценно, все оказались травянисто-зеленого цвета. Даже непосвященному было понятно, что в руки к ним свалилась редкая удача, о которой мечтает каждый хитник. Это совершенно другой уровень, чем обычная добыча. Оставалось только с умом распорядиться сокровищами.

По своему и по опыту других хитников Никита осознавал, что продать такие вот камни – сложная задача. Надо идти к верному человеку.

Достав лупу, он долго и тщательно рассматривал каждый из дюжины изумрудов, пытаясь отыскать на их поверхности хотя бы единственную трещинку. Но камни были совершенны.

Сунув лупу в карман, Никита покачал головой:

– Знаешь, мне кажется, что каждый из этих камушков потянет штуки на три. Это только для начала... А вот если распилить эти два камушка, – он показал пальцем на пару ромбических кристаллов, – а потом придать им огранку, то их стоимость в общей сложности может увеличиться на поряд-

док, – и он внимательно посмотрел на Антона, ожидая его реакции.

Антон счастливо улыбнулся. По тридцать тысяч на брата за несколько ударов молотком – не самые плохие деньги!

– Кому все-таки думаешь отдать «зелень»? Васильевичу?

Вопрос был несправедливый. В идеале, на каждый хороший камень следовало искать своего достойного покупателя. А потому цена за один и тот же изумруд может варьироваться в самых широких пределах. Каких-то два года назад он посчитал бы за счастье продать каждый из этих камней всего лишь за триста долларов, но сейчас подобная цена вызывала только горькую улыбку.

Все-таки как меняются времена!

Все эти годы Зиновьев сдавал камни скупщику Васильевичу, проживавшему в соседнем поселке. Мужик этот был скуповатым, любил поторговаться за каждый камушек. Но выгода такой сделки заключалась в том, что, сторговавшись, деньги он всегда отдавал без волокиты.

По-своему этот Васильевич был личностью интересной и в некотором роде достопримечательностью всей округи. Старик любил рассказывать о том, что происходил из семьи потомственных хитников, а в пьяном разговоре, приложив палец к губам, сообщал, что у него в надежном месте спрятана карта, на которой обозначены демидовские изумрудные копи.

В подобные рассказы почему-то легко верилось. Никита

знал немало примеров, когда дедовские схемы, нарисованные пращурами от руки, наводили на действительно богатые жилы. Станным было другое. Несмотря на немалый достаток, Васильевич ютился в старом дедовском срубе, поставленном лет сто пятьдесят назад. Плохонькая дверь закрывалась на хилый крючок, который можно было вырвать с корнем хорошим ударом ноги, а ведь в ведрах, которыми был заставлен дом скупщика, лежали драгоценные камни, за которые можно было получить серьезный срок. Удивительным было то, что его до сих пор еще никто не ограбил. Тем более что жил он бобылем, а бабы, которые порой скрашивали его одиночество, не выдерживали соперничества с драгоценными камнями и скоро уходили от него.

Самоцветами был завален даже его обеденный стол, и чтобы выпить чаю, Васильевичу приходилось всякий раз расчищать на столе местечко для чашки. Однако неверно было бы думать, что Васильевич не знает счет своим камням. Каждый из них он помнил «в лицо», как свои пять пальцев, и, несмотря на внешнее добродушие, был чрезвычайно подозрительным и недоверчивым человеком.

Особенно остро проявлялась настороженность у Васильевича после первого выпитого стакана водки. Даже на приятелей, с которыми был знаком не первый год, он начинал посматривать враждебно, подозревая в них предполагаемых грабителей. Никита помнил случай, когда после выпитой рюмки водки Васильевич сломал табурет об голову одного

из своих постоянных клиентов, заподозрив его в краже.

Но среди хитников сложилось твердое убеждение, что под рукой Васильевич всегда держал и нечто более надежное, чем табуретки.

– Можно, конечно, и Васильевичу, – ответил Никита, бережно пряча изумруд в холщовый мешочек. – Сначала заце- ним у него, а там как получится.

– Значит, двинем к нему?

– Двинем! – согласился Никита, уложив мешочек с изу- мрудами на заднее сиденье внедорожника.

Антон открыл дверцу «Нивы» и удобно расположился на переднем пассажирском месте.

Глава 2

ОТКУДА ТАКИЕ КАМУШКИ?

Поселок Изумрудный находился в пятнадцати километрах от основной трассы. По местным меркам не столь уж и далеко. Дорога к нему пролегла мимо трех затопленных карьеров, где еще в конце войны добывали палладий. Огромные карьеры, равные по размерам паре футбольных полей, всегда притягивали к себе Никиту, как магнит. Те рудосодержащие жилы, которые в войну считались обедненными, сейчас представлялись весьма перспективными месторождениями, а потому здешние отвалы содержали немалое количество драгоценного металла. И, проезжая мимо, он всякий раз замечал на отвалах все новые и новые раскопки.

Однажды один из хитников рассказал, что стал свидетелем того, как с довоенных отвалов два мужичка вывезли три «КамАЗа» платиновой руды. При самом скромном подсчете из этой породы можно будет добыть около пяти килограммов драгоценного металла. По стоимости черного рынка сумма выручки составит около полумиллиона долларов.

Никиту не раз посещала бесшабашная мысль: «А что если пригнать сюда грузовичок и загрузить в него породу!» Но всякий раз, поразмыслив, он отказывался от этой идеи. В конце концов, с драгоценными камнями – камнями первой

группы – все было понятно, давно уже отлажено. В этом мире его знали, имелись наработанные связи. А благородный металл, – это совершенно другой мир, где все придется начинать сначала. Пройдет немало времени, прежде чем удастся обзавестись нужными связями. И где гарантия того, что ему не отвернут голову, как только он пригонит сюда экскаватор?

Причем отвернут голову не какие-нибудь уголовники со стажем, а родная доблестная милиция, которая всегда работает в связке с хитниками. Встретят где-нибудь на выезде отсюда, да упрячут в воспитательных целях в «аквариум». А оттуда до зоны всего лишь один шаг. Одно дело, если при торгует камешками в розницу, так сказать, на поддержание штанов, и совсем другое, если занимаешься промышленным вывозом стратегического сырья.

Сорвал серьезный куш, так будь добр, поделись! Иначе могут возникнуть очень серьезные неприятности.

Проводив взглядом затопленный карьер, Никита нажал на газ и громко чертыхнулся, – переднее колесо «Нивы» съехало в какую-то колдобину, крепко помяв диск. В свободное время придется поковыряться, чтобы его выправить.

Въехали в поселок. А вот и обиталище Васильевича. Его изба стояла на самом пригорке и была видна с любой точки дороги. И Никита не раз думал о том, что такое расположение «хоромины» было выбрано далеко не случайно. Сто лет назад это место было вполне глуховатым и разбойным, а потому при необходимости можно было быстро убраться из

избы по любой из четырех дорог.

Даже сейчас, когда место это все более осваивали городские жители, застраивая его каменными особняками, дом не затерялся, выглядел весьма приметно, и каждый, кто проезжал мимо, невольно обращал внимание на ажурные ставни, вырезанные в виде порхающих ангелочков. Дом окружал забор, видимо, такой же старый, как и само строение. В некоторых местах доски в ограде были повыломаны, и не без причины – открывался весьма удобный путь в роскошный яблоневый сад. Но Васильевича подобная мелочь не интересовала. Взволновать его мог разве что редкостный по качеству и уникальности камень.

Мощные, хотя и старые венцы дома, в полтора обхвата каждый, и высокая крыша зримо подавляли все соседние строения. Путник, въезжающий в поселок, невольно смотрел на металлический флюгер в виде горланящего петушка, закрепленный на коньке дома.

Калитка у Васильевича не запиралась, да и собак он не держал. Что, впрочем, не удивляло. Редко кто заводит цепного кобеля, отпарившись на зоне с десятков лет. У ворот стоял серебристый «Лексус», значит, у Васильевича находился какой-то гость. Водитель искоса глянул было на подошедших, но через секунду потерял к ним интерес и, откинувшись на кожаное кресло, уставился прямо перед собой. Обычное дело – хитники добычу принесли.

– Егор Васильевич! – громко крикнул Никита, уверенно

ступая во двор. – Гости к тебе пришли. – И, повернувшись к Антону, добавил: – Только чтобы он пьяным не был. Тогда никакого разговора не получится, все будет смотреть, чтобы мы камушек какой-нибудь у него не сперли. Подозрительный становится, как черт!

На его крик вышел мужчина лет шестидесяти пяти. Кряжистый, с мускулистыми короткими руками, все еще крепкий, он сдержанно поздоровался с Никитой и, посмотрев на Антона, стоящего рядом с ним, спросил без особой радости:

– А это еще кто с тобой?

Никита с Антоном переглянулись, – хозяин был слегка нетрезв.

– Не напрягайся, свои! Антон Фомич, – заверил Никита. – Я за него ручаюсь.

Глаза у Егора Васильевича были настороженные, это был взгляд много повидавшего человека, и в этот момент охотно поверилось, что все слухи о нем – правда!

– Ну, проходи тогда... раз свой, – мрачновато буркнул Васильевич. – В комнату не заходите.

Гости миновали сени, прошли в коридор, такой же просторный и остановились у входа в комнату.

– Что принес? – не скрывая нетерпения, спросил Васильевич.

Широко улыбнувшись, Никита небрежно ответил:

– Да пару пустячков.

Достав холщовый мешочек, он вытащил из него два зеле-

ных камушка и протянул их Васильевичу.

– Ну-ка, ну-ка... Так-так... Интересно, – поднес тот к глазам первый камушек.

Лицо Васильевича враз посуровело. Сузив глаза, он с большим интересом принялся рассматривать каждую грань камня, пытаясь отыскать малейшие дефекты. Но камушек был безупречен. Сверкая стеклянным блеском, он как бы гордился своей непорочной прозрачностью.

– Георгий Георгиевич, – позвал Егор Васильевич кого-то из глубины комнаты.

На оклик вышел мужчина лет шестидесяти пяти, сухощавый, в очках, интеллигентного вида. С первого взгляда он производил благоприятное впечатление и внешне очень походил на какого-нибудь научного работника, половина жизни которого прошла в тиши кабинета среди стеллажей книг. В его внешности настораживал только глубокий шрам, который рассекал щеку от правого уголка рта до самого уха. Вряд ли такие отметины получают от книг, свалившихся откуда-нибудь с верхней полки. Охотно верилось, что за плечами этого внешне спокойного человека, несмотря на ласкающий взгляд, богатая и интересная биография, и вообще много всего такого, о чем бы он хотел умолчать.

– Ну?

– Взгляни-ка на этот камень, – сказал Васильевич, протягивая гостю изумруд.

В его голосе послышались интонации сдержанного восхи-

щения, что бывало крайне редко. По тому как его гость взял камень и по интересу, с каким принялся его изучать, прикусив губы, было понятно, что с ювелирным делом он хорошо знаком. Приподняв камушек, Георгий Георгиевич долго изучал его в проходящем свете. Затем слегка подбросил камень на ладони, как бы пробуя его на вес, после чего с некоторым оживлением спросил Никиту:

– Твой?

– Да.

– У тебя есть еще такой?

– И не один, – Никита сыпанул в ладонь незнакомцу с пяток камней.

Каждый из камушков Георгий Георгиевич рассматривал с большим интересом. Создавалось впечатление, что он даже позабыл о людях, стоящих рядом. Возможно, так оно и было в действительности. В глазах старика читалось нечто большее, чем профессиональный интерес, так выглядит самая настоящая страсть, которая не идет ни в какое сравнение даже с желанием обладать любимой женщиной. Где-то в самой глубине его зрачков Зиновьев увидел бесшабашные отчаянные огоньки.

– А вот на этом камушке небольшая трещина, – неожиданно сказал Георгий Георгиевич с нескрываемым сожалением, посмотрев на Зиновьева.

– Она едва заметная.

Георгий Георгиевич кивнул.

– Да, в этом месте камушек можно будет распилить, и тогда вместо одного получится целых два. Но таких же великолепных! Так, значит, говоришь, твоя «зеленка»? – вновь спросил он.

– Моя, – довольно улыбнулся Никита. – Точнее, наша.

– Понятно... И вправду неплохие камушки. Сейчас нечасто такой товар можно встретить, – сдержанно заметил Георгий Георгиевич. – И давно ты занимаешься хитой?

– Лет пять.

По губам дядьки промелькнула снисходительная улыбка.

– Пять лет... А я сорок пять лет! За это время я таких камней насмотрелся, что ого-го! Сейчас хорошие камни большая редкость. Вот раньше, бывало, приедешь в поселок, ставишь мужикам литр водки и говоришь, что тебе нужно. Так они тут же приволокут. А еще полведра всякой мелочи тебе насыплют. Цитринов там да топазов, чтобы не забывал их, навевывался почаще. А сейчас какой бы камушек ни показали, так цена не менее ста баксов! И знаешь, кто народец нынешний испортил? – испытующе посмотрел он на Никиту.

От его взгляда Зиновьеву сделалось немного не по себе.

– Кто же?

– Да любители! Особенно много их сейчас в Питере, да в Москве объявилось. У иных денег вообще не меряно! В каждом кармане торчит по пачке долларов. Ладно бы скупали стоящие образцы, тогда было бы как-то понятно. А то ведь большие деньги за всякую дрянь отдают! – И уже безо всякой

связи Георгий Георгиевич продолжал: – Знаешь, есть тут на некоторых камушках кое-какие дефекты. На первый взгляд их не особенно видно, но когда гранить начнешь, так сразу проявятся, – убежденно заверил новый знакомый.

В специальности Георгия Георгиевича сомневаться более не приходилось. По тому, с каким интересом он рассматривал камни, как держал их, становилось понятно, что он огранщик. Ремесло это редкое и денежное. Через хороших огранщиков всегда проходят самые лучшие образцы. По всему Среднему Уралу таких было не более полутора десятков, а тех, которые взялись бы за огранку большого изумруда, так и вовсе по пальцам на одной руке сосчитать можно.

Об этих умельцах знали не только скупщики и хитники, но и четвертый отдел ФСБ, занимавшийся природными ресурсами. А потому связываться с ними – дело непростое и очень стремное. Впрочем, имелись еще два-три хороших огранщика, о которых знал только очень узкий круг хитников, работавших по-крупному. Как правило, эти огранщики имели дело с ними напрямую. Но это уже каста. Проникнуть в этот круг не представлялось возможным, даже приблизиться к нему вплотную – проблематично. Но крупный изумруд, пригодный для огранки, даже для ювелиров самого высокого уровня событие исключительное.

– Я не заметил, – недружелюбно откликнулся Никита, понимая, что его хотят развести как лоха.

Зиновьев интуитивно угадал, что человек, стоящий перед

ним, несмотря на совершенно безобидную внешность, настоящая акула, которая не шастает по мелководью, а предпочитает глубоководные лагуны с обилием пищи. А если его добычей заинтересовался столь крупный хищник, следовательно, незаметно для себя он заплыл в другую акваторию, где действуют совершенно иные законы, о которых он мог только догадываться.

Георгий Георгиевич снисходительно улыбнулся.

– Напрасно. Такие вещи надо замечать сразу. Согласен, на большинстве камушков нет трещин, этим они и ценны. Но ты взгляни сюда, – он взял с ладони один из самых крупных изумрудов. – Посмотри на этот участок, – показал он на краешек. – Темно-зеленый цвет переходит просто в зеленый. Это заметно только после того, как присмотришься, но различие все-таки наблюдается, следовательно, его товарная цена существенно падает. – Усмехнувшись, он спросил: – А может быть, ты со мной не согласен?

– Может быть, и падает, но только я не уверен, что очень значительно.

На столе в центре комнаты Егора Васильевича поблескивала огромная аметистовая друза. Вещь дорогая, тем более такой насыщенной фиолетовой окраски. Это вам не какие-нибудь бразильские образцы, что челночники покупают на латиноамериканских рынках на вес. Стоящая штукавина! Но судя по тому, что на ней лежала несвежая скомканная рубашка, к музейным образцам хозяин дома относился без

должного пиетета.

Странное дело, сосредоточиться мешала именно эта рубашка, точнее, ее воротник с каким-то темным налетом по краю. Что поделаешь, Васильевич не отличался чистоплотностью. И Никита время от времени бросал взгляд на друзю, на головки крупных кристаллов, которые, напоминая иглы оцетинившегося ежика, торчали в разные стороны.

– Продай мне эти камни, – предложил Георгий Георгиевич.

Никита отвел взгляд в сторону. Конечно, разговор должен был завершиться именно таким образом.

– Мне надо подумать.

– А чего тут думать? – удивился Георгий Георгиевич. – Я тебе предлагаю за них хорошие деньги. Тебе никто больше столько не даст. Сколько ты хочешь, к примеру, за этот камушек? Тысячу долларов? Две? А может быть, три? – спросил он, хитровато прищурившись. – Чего же ты молчишь?

Даже в самых смелых предположениях Никита не мог и мечтать о названной сумме. Нахмутив лоб, он неожиданно для самого себя произнес, твердо посмотрев в хитроватые глаза огранщика:

– Этот камень стоит значительно дороже. Я бы хотел за него получить десять тысяч долларов.

Ювелир широко улыбнулся, посмотрев на хихикнувшего Васильевича, покачал головой:

– Какая хваткая молодежь пошла! Понимает толк не толь-

ко в стоящих камнях, но и в хорошей капусте. Давай сговоримся на шести.

– Девять, – поколебавшись, ответил Зиновьев.

– Семь с половиной!

– Хорошо, – посмотрев на молчащего изумленного Антона, Никита добавил: – Но деньги нам нужны сейчас.

Ювелир усмехнулся.

– Разумеется.

Сунув руку в карман куртки, он извлек толстый лопатник, вынул из него плотную пачку долларов, перетянутую обыкновенной резинкой, и уверенно отсчитал семь с половиной тысяч.

– Владей!

Получив камушек, Георгий Георгиевич вновь, как если бы увидел его впервые, принялся рассматривать гладкие грани. Морщины вокруг глаз углубились от удовольствия, и он, достав из кармана полупустую пачку сигарет, бережно уложил в нее камушек.

– Не беспокойся за него, он попал в надежные руки, здесь ему будет хорошо, – радостно сообщил он. – Чего ты жмешься? Давай выкладывай остальные. Да не дрейфь ты! Все без обмана. Вон, спроси у Егора Васильевича, пусть он тебе скажет, кинул ли я хоть кого-нибудь? – И, не дождавшись ответа, удовлетворенно протянул: – То-то же! Какой резон мне тебя обманывать, если, предположим, через неделю ты мне еще принесешь несколько таких же камушков?

– А будут ли такие? – в свою очередь спросил Никита. Георгий Георгиевич широко улыбнулся.

– Тоже верно, такая «зеленка» не каждый день встречается. Так ты мне продашь остальные? – голос огранщика звучал все настойчивее. – По пять штук даю за каждый! – объявил он и, заметив на лице Никиты колебания, продолжал настаивать: – Пойми, чудак-человек, где ты еще найдешь такие деньги? А я тебе даю их сразу!

– Эти камни стоят дороже, – неуверенно протянул Никита.

Георгий Георгиевич отрицательно покачал головой.

– Не уверен, что тебе за эти камушки кто-нибудь даст больше. Сколько у тебя таких камней?

– С десяток наберется.

Глаза Георгия Георгиевича вспыхнули алчным огоньком. Он сразу как-то заметно изменился, и эта перемена Зиновьеву почему-то не понравилась.

– Вот видишь, десяток, – сказал он с какой-то задумчивой мечтательностью. – Даже на двоих очень нехилые деньги. Это по двадцать пять штук зеленых! Например, на них можно прибарахлиться, купить солидную тачку. Съездить с девочками куда-нибудь на юг. Да мало ли что еще! – восторженно воскликнул огранщик. – И еще ведь на жизнь останется!

От прежней флегматичности, с которой он встречал их каких-то полчаса назад, не осталось и следа.

– Я подумаю... Мы заедем через неделю. – Никита взглянул на Антона.

Георгий Георгиевич ответил не сразу.

– Хм... Что ж, буду ждать. Как надумаете, свяжитесь с Васильевичем, он мне даст знать, – и, сухо кивнув на прощание, он ушел в соседнюю комнату.

Никита положил мешочек с камнями в сумку.

– Ладно, будь здоров, Васильевич. Мы поедем!

Егор Васильевич проводил гостей до крыльца, своими руками распахнул дверь, провожая. Зиновьев подумал о том, что подобной чести в этом доме он удостоился впервые.

Уже наступила ночь. Она была светлой, канун полнолуния. Мягкий желтоватый свет падал на лицо Васильевича, от чего оно казалось каким-то неестественным, почти восковым.

– Закурим? – неожиданно предложил он.

Никита молча вытащил из кармана пачку сигарет и легким щелчком выбил две штуки. Одну протянул Васильевичу. Вот и еще одна новость. Прежде скупщика не тянуло на душевные разговоры. Их связывали только деловые отношения. Так сказать, основная капиталистическая формула: деньги – товар. Никита предупредительно чиркнул зажигалкой, и Васильевич, глубоко затянувшись, поблагодарил его сдержанным кивком. Некоторое время они курили молча, выжидательно посматривая друг на друга.

– Где «зелень» такую отыскал? – поинтересовался Васи-

льевич, отряхнув пепел.

Спрашивал он вроде равнодушно, но вот интонации всецело выдавали его настроение.

– Не поверишь, у самой палатки, – восторженно сообщил Никита, пыхнув дымком. – Целых два месяца горбатились черт знает где! Куда только не выезжали, и на Белую...

– Ого!..

– ...и на Рудный. Две недели под Дачным ковырялись. Ничего! А тут разбили валун, а в нем такая красота засверкала. Скажи, Антон...

– Повезло, – со знанием дела кивнул Васильевич.

– Фортуна улыбнулась, – счастливо протянул Никита, посмотрев на Антона. Тот стоял в сторонке и явно был недоволен тем, что его не замечают. Да, и Васильевич вел себя так, как если бы его не было совсем.

– Какие у тебя на сегодня планы?

Никита пожал плечами.

– Никаких особенно. Поедем сейчас. К утру, думаю, до дома доберемся.

– А то бы переночевали, – неожиданно предложил Васильевич, докуривая сигарету.

– Нет, нам надо ехать. Ну, пока!

– Будь здоров.

Георгий Георгиевич чуть отодвинул занавеску и посмотрел во двор. Васильевич не собирался возвращаться, – курил сигарету и о чем-то разговаривал с парнями. Старик нахмурился: «Интересно, о чем таком он может с ними беседовать?» Почувствовав направленный взгляд, Васильевич неожиданно обернулся.

Георгий Георгиевич задернул занавеску и отошел от окна. Сел на стул и стал ждать возвращения хозяина. Васильевич вернулся минут через десять.

– Что это за люди?

Егор Васильевич небрежно махнул рукой:

– Так, ерунда...

– Но камушки они предлагали хорошие.

Васильевич пожал плечами.

– Меня это тоже удивляет. Им и в самом деле повезло. Как ты думаешь, сколько могут стоять такие камни?

Георгий Георгиевич сдержанно улыбнулся.

– Могу тебе сказать совершенно точно, все вместе они потянут не менее чем на пятьсот тысяч долларов. Может, даже и побольше...

– Что же ты им не предложил еще? Я же видел, Никита уже сомневаться начал. Может, продал бы.

Старик усмехнулся.

– А куда он от меня денется? Все равно мне и продаст. Не у каждого такие деньги тут же и сразу найдутся.

– Тоже верно.

* * *

Васильевич сел за стол. Налил себе водки и предложил своему гостю:

– Может, хочешь?

– Как-нибудь в другой раз.

– А я вот махну!

Выдохнув, Васильевич одним махом выпил полстакана водки и, взяв кусок ветчины, с аппетитом закусил.

– И как тебе «белый»?

– Он великолепен, – одобрительно сказал Георгий Георгиевич. – Откуда у тебя такой алмаз?

– У одного старика купил.

– Давно?

Васильевич внимательно посмотрел на гостя. Напряжение в голосе Георгия Георгиевича ему не понравилось.

– Года три назад.

– Вот даже как. А что же ты раньше мне этот камушек не показывал?

Васильевич вздохнул.

– Я бы и сейчас не показал, да просто деньги нужны.

– Они всем нужны. Для чего?

– В город хочу перебраться. Квартиру купить попрличнее. Да и на жизнь...

Кивнув на аметисты, лежащие на столе, гость спросил:

– А этого тебе на жизнь не хватает?

Подняв пьяные глаза на гостя, Егор Васильевич признался:

– Мне бы хотелось сразу и много.

– Понимаю. Такую сумму только я тебе и могу дать.

– Верно.

– У тебя есть еще такие камни?

Егор Васильевич отрезал кусок ветчины, положил его на толстый ломоть хлеба.

– А я знал, что ты не без дела. Чего тебе просто так в моей дыре появляться?

– Угадал. Так у тебя есть еще такие камни? Хорошую цену дам.

Старик печально вздохнул.

– Были! Четыре камня были. Перепродал я их уже.

– Точно такие же?

– Немного поменьше.

– И куда же они ушли?

– Куда-то за границу. Фраер один заморский подвернулся.

А у него какие-то свои каналы через бугор.

– Продавец – же самый старик?

– Да, – подтвердил Васильевич, ковырнув спичкой застрявшее в зубах мясо.

– Почему он обратился именно к тебе? Раньше ты имел с ним дело?

Егор Васильевич отрицательно покачал головой.

– Никогда. А узнать обо мне он мог от кого угодно. Все-таки не на обитаемом острове живу. Половина Урала знает, что я хорошие камушки скупаю.

– Но ты же никогда не занимался «белыми».

– Не занимался... Но если хороший камень в руки сам идет, так чего же от него отказываться?

– И где же могут быть эти четыре камня? Ведь не каждый сумеет их отграничить.

– А где угодно! – веско высказался Егор Васильевич. – Скорее всего, отграничат их где-нибудь в Израиле. Там очень хорошие ювелиры, а вот объявиться они потом должны где-нибудь в Западной Европе. Или, может быть, в Иране.

– А тебе не приходила в голову такая простая мысль, что если у твоего продавца есть с пяток таких камней, то почему их не может быть, к примеру, с десяток?

– Точно таких же? – переспросил Васильевич.

– Да. Точно таких же!

– Это маловероятно! Такие крупные алмазы в природе вообще редко встречаются, а чтобы такие, так это вообще немыслимо! А потом это только предположение...

– Я знаю о чем говорю! – резко оборвал его Георгий Георгиевич. – В свое время неподалеку отсюда пропала партия крупных алмазов. Тот алмаз, который ты мне продал, имен-

но из той партии.

– Целая партия, – хмыкнул Егор Васильевич. – А откуда ты можешь знать? Ты что, видел, что ли?

Старик на секунду задумался.

– Это неважно.

– Знаю, к чему ты клонишь. Брось! – махнул рукой Егор Васильевич. – Об этих алмазах не ты первый мне говоришь. Будто бы какая-то партия «беленьких» пропала в сорок пятом во время побега эков. А только тех алмазов никто больше никогда не видел. Да и вообще, были ли они? Может, все это выдумки.

– Ладно, оставим это. Ты знаешь, где живет этот старик?

– Был я у него один раз, – кивнул Васильевич. – На Луговой у него дом. Кажется, номер четыре. Он один там такой, у цементного завода. Но он собирался переезжать, может, его уже сейчас там и нет.

– Значит, на твои деньги переезжает?

– Получается, что на мои. Он мне камушек, а я ему деньги. Так что – без обид.

Гость неожиданно поднялся.

– Ладно, пойду я... Мне еще нужно в одно место заскочить.

– Ну, бывай. Заглядывай, если что.

Георгий Георгиевич вышел во двор, осмотрелся. Ночь стала совсем темной, небо заволокли кучевые белесые облака. Достав мобильный телефон, он нажал на клавишу. Або-

нент отозвался глуховатым голосом:

– Да.

– Записывай адрес.

– Так.

– Луговая четыре. Продавец проживает по этому адресу. «Белые» должны быть там. Такие вещи, как правило, прячут под боком.

– Понял.

– Смотри поаккуратнее, чтобы никто ничего не заметил.

– Не впервой.

– Не исключено, что он оттуда уже переехал, узнай тогда новый адрес. Постарайся понаблюдать за ним. Может, он сам выведет тебя туда куда нужно. Посмотри, кто навевывается в его дом, может быть, они тебе что-нибудь подскажут.

– Хорошо.

– Еще вот что. Тут пацаны на выезде с хорошей «зеленью», я бы не хотел ее упустить. Скажешь, чтобы их встретили.

– Я понял. Их встретят.

– И еще вот что – они меня видели. Ты понимаешь?

– Да.

– Ставки очень большие. Свидетели мне не нужны. Убери и Васильевича, но так, чтобы все выглядело поаккуратнее.

– Сделаем.

– Вот и хорошо, – подытожил Георгий Георгиевич.

Щелкнув крышкой телефона, он сунул его в карман. При-

ветливо помахал выглянувшему из окна Васильевичу и поспешной походкой направился в сторону поджидавшего его «Лексуса».

Глава 3

ОБОРОТНИ

Парни сели в машину. Где-то в дальнем конце поселка лениво забрехала собака, которой так же беззлобно отозвалась другая. Все это время Никиту не покидало какое-то гнетущее чувство тревоги, и совершенно было непонятно, откуда же оно взялось. Немного отлегло от души только тогда, когда они выехали на поселковую дорогу. Приободрившись, Никита отыскал в приемнике легкую музыку и, включив дальний свет, запыхнул по грунтовке.

– Странные какие-то мужики, – сказал с досадой Антон.

– Ты это о ком?

– Да об этой парочке, у которых мы были!

– Знаешь, мне тоже так показалось, – честно признался Зиновьев. – Прежде я таким Васильевича не видел.

– Ты дорогу знаешь? – неожиданно спросил Антон.

Никита невольно усмехнулся.

– А чего тут знать-то? Из заповедника только одна дорога. Остальные все перекрыты. На выезде стоит блокпост, могут пошмонать, – улыбнулся он.

– Ты это серьезно?

– Вполне. Хотя делают они это очень редко. Если бы мы ехали в фургоне или, например, в грузовичке, тогда другое

дело. Вот сейчас проедем через лесок, а дальше будет поле. А там и шлагбаум. А это что еще за хренотень! – невольно выругался Никита, разглядев на дороге застывший силуэт машины.

Подъехав поближе, он увидел, что на дороге стоит милицейский «УАЗ» с сигнальным маячком на крыше. А рядом с машиной, облокотившись о капот, застыли два милиционера. Их трудно было бы различить среди густого кустарника, если бы не светоотражающие полосы на их рукавах.

Заметив приближающуюся машину, один из них, тот, что был повыше, сделал несколько шагов к центру дороги. Дальним светом фар Никита вырвал из темноты его долговязую фигуру, короткий взмах жезлом.

– Черт бы его побрал! – невольно выругался он, притормаживая. – Обычно он стоит не здесь, а подальше. В трех километрах отсюда у них пост.

– А может, уедем? – предложил Антон взволнованным голосом. – Что-то мне все это не нравится.

– Да куда тут уедешь?! – в отчаянии воскликнул Никита. – Колея-то узкая. Быстро не развернешься, а у них «уазик» заведенный.

– Как будто специально нас ждали.

У Никиты зародилось нехорошее предчувствие.

– А хрен его знает! Ладно, может быть, еще и обойдется. Может, просто спросят, куда ездили. Не станут же они машину обыскивать, да еще в такую темень! – сбавил скорость

Никита.

– Ты все-таки изумруды спрячь, – подсказал Антон.

– Хорошо.

Вытащив холщовый мешочек из сумки, он положил его под резиновый коврик.

Инспектор вышел на середину дороги и терпеливо ждал, пока «Нива» притормозит и остановится. Зиновьев пытался разглядеть в его лице нечто похожее на нервозность, но тот выглядел совершенно естественно. Правда, вид немного усталый. Но это объяснимо, намахался палкой за целый день и теперь хочется покоя. Даже выражение лица у него было как будто бы слегка виноватое. Дескать, извините, ребята, сам не рад, но работа у меня такая.

Второй даже не пошевелился, так и продолжал стоять, опершись о капот.

Никита остановился и, приоткрыв дверь, спросил:

– В чем дело?

Теперь он мог хорошо рассмотреть гаишника – высокий, на узком лице тонкие щеголеватые усики.

– Старший сержант Прохоренко, – сверкнул тот удостоверением.

Зиновьев с готовностью отреагировал:

– Я тоже старший лейтенант запаса.

Шутка не подействовала. Инспектор неторопливо подошел вплотную к машине и равнодушным голосом поинтересовался:

– Вы знаете о том, что разъезжаете по территории минералогического заповедника?

Взгляд у инспектора прямой, слегка сонный, как будто бы его только что подняли с постели. Но внутреннее ощущение подсказывало, что спорить с ним не стоит.

– Да, знаем, конечно же. Просто были в гостях.

– И к кому же вы ездили?

От машины отделился второй милиционер. Немного пониже ростом, но вот в плечах пошире. За спиной у него висел «АКМ». Приближаться вплотную он не стал, застыл в десятке метров от машины и с интересом слушал разворачивающийся диалог.

– К Егору Васильевичу. Может, знаете такого? – с надеждой спросил Никита.

Милиционеры переглянулись.

– Вылезайте из машины, – приказал инспектор.

– На каком основании? – возмутился Антон.

– Зона заповедная. Нам нужно проверить ваши документы.

– А документы-то зачем?

– Работа у нас такая, – уныло ответил инспектор. – Может, вы находитесь в розыске.

– Что еще за черт! Ведь никогда же раньше этого не было, – выругался Никита, вылезая из машины.

– Тебя это тоже касается, – негромко, но жестко приказал долговязый, посмотрев на Антона.

Распахнув дверцу, Антон вышел.

Милиционер с автоматом сделал небольшой ленивый шаг навстречу. Длинный ремень автомата был переброшен через спину, но с тем расчетом, чтобы удобно было не только ткнуть «стволом» в живот, но и вскинуть оружие к плечу.

– А теперь документы, – протянул долговязый ладонь.

– А вы, собственно, кто такие? – вскипел Антон, сделав шаг вперед. – У меня в гараже таких палок много, я могу выйти на дорогу и тоже буду ими размахивать!

– Документы! – более жестко потребовал долговязый.

– Вы должны быть у поста, – продолжал наседавать Антон. – А не в темном лесу, где...

Антон не договорил, короткая автоматная очередь сбила его на землю. Следующая секунда растянулась в вечность. Боковым зрением Никита увидел, как долговязый проворно отскочил в сторону, а сам в эту минуту продолжал смотреть на ствол автомата, который, дрогнув, полыхнул белым разрядом. Никита метнулся в сторону, совершив кувырок, а над головой зловеще просвистела вторая очередь. Еще один кувырок, такой же отчаянный, и густые кусты сомкнулись за его спиной. Короткая очередь врылась рядом в землю, швырнув в лицо колючую гальку. Приподнявшись, Зиновьев прыгнул за могучий ствол ели, в который смачно и зло врезалось несколько пуль. Пригнувшись, он побежал к следующему дереву, все более углубляясь в лесную темень. Автоматная очередь прозвучала немного в стороне. Потом еще

раз, но уже значительно глуше.

Пробежав с полкилометра, Никита остановился, прислушался. Где-то позади раздавалась приглушенная речь. Похоже, что преследовать его все же не собирались. У этих людей были совершенно иные задачи. Немного постояв и убедившись, что за ним никто не гонится, Никита, стараясь не наступать на сухие ветки, направился к машине.

Ночь и густые кусты скрывали его от преследователей. Подавшись чуток вперед, он увидел обоих милиционеров, пристально всматривающихся в темноту. Вот один из них, тот, что был с автоматом, повел «ствол» в его сторону, словно почувствовал направленный на него взгляд. Никиту мгновенно обдало жаром. Убегать не следовало, иначе вслед тотчас прозвучит очередь и до ближайшего дерева уже не добрать-ся. Оставалось только уповать на чудо. И оно произошло. Долговязый, который находился совсем рядом, вдруг решительно ухватился за «ствол» пятерней и рассерженно сказал:

– Хватит палить, не на стрельбище ведь. И так всю округу переполошил.

Широкоплечий, послушно кивнув, закинул автомат за спину и поплелся за усатым.

Они подошли к неподвижно лежащему Антону. Долговязый вывернул его карманы и разочарованно констатировал:

– У него ничего нет.

– А может, все-таки у второго?

– Вряд ли. Скорее всего, спрятали где-то в машине. Для

них мы обычный патруль. Давай пороемся в тачке.

Юркнув в салон, он некоторое время шарил в бардачке, под креслами. Затем его усатая улыбающаяся физиономия высунулась из машины, и он довольно доложил:

– Под ковриком камушки лежали. Давай покойника в машину затащим.

Согнувшись, они одновременно взяли Антона за руки и за ноги и посадили на переднее кресло.

– Пристегни ремнем, чтобы не свалился. – Никита отчетливо увидел на лице долговязого гримасу брезгливости. – Ага, вот так. Весь перепачкался.

– Поаккуратнее надо было.

– В темноте-то не видно ни хрена! Я поеду на «Ниве», – распорядился долговязый, – а ты поведешь «УАЗ».

– Там дорога проходит через отвалы, – засомневался широкоплечий. – Из местных может кто-нибудь увидеть.

– Не переживай, – успокоил его второй, устраиваясь в кресле. – Два дня назад облаву на хитников делали. Всех разогнали! Так что они еще долго не сунутся.

– Хорошо, – кивнул напарник и, сняв с плеча автомат, быстрым шагом направился к автомобилю.

«Нива» завелась. Осторожно, стараясь не въехать в глубокую колею, коренастый развернул автомобиль и поехал в противоположную сторону. «Уазик» заторопился следом.

Никита побежал, стараясь держать удаляющиеся машины в поле видимости. Некоторое время были видны контуры ма-

шин, освещенные дальним светом. Но скоро исчезли и они, спрятавшись за плотной стеной вековых елей. Еще некоторое время впереди маячили оранжевые габаритные огоньки, потом тьма поглотила и их.

Ветки больно хлестали его по лицу, но он старался этого не замечать. Пробегая через густой кустарник, Никита наткнулся на торчащий сук, который больно расцарапал ему шею. Приложив ладонь к царапине, он почувствовал кровь. «Ладно, не до мелочей», – отмахнулся он и, стараясь не сбавлять темпа, побежал дальше.

Километра через полтора Зиновьев увидел две машины, стоящие у затопленного карьера. Фары обеих были предумышленно погашены. Двое людей в милицейской форме о чем-то разговаривали, потом один из них утвердительно кивнул и сел в «Ниву». Машина тронулась. Выпрыгнув на ходу, мент с интересом стал наблюдать за тем, как автомобиль с каждой секундой все более набирает скорость. Двигатель сильно и утробно урчал, машину то и дело подбрасывало на неровностях и кочках. В глубине души Никита надеялся, что двигатель заглохнет, но нет, «Нива» расторопно подобралась к самому краю берега и с высоты пяти метров съехала в карьер, наполненный водой.

Полет внедорожника показался Никите необыкновенно продолжительным. Передние колеса машины, лишившись опоры, провалились, как будто бы «Нива» выискивала наиболее благоприятное местечко для падения. И уже в следу-

ющую секунду капот разбил черную водную гладь, и автомобиль с шумным всплеском стал погружаться на дно. Зиновьев увидел, как в момент удара тело Антона безвольно встряхнулось, и он завалился на бок.

Никита никогда не думал, что тяжелый угловатый автомобиль, конструкция, совершенно не предназначенная для плавания, способна столь длительное время удерживаться на воде. В первую секунду ему даже показалось, что «Нива» не потонет вовсе и отправится к противоположному берегу карьера вплавь. Но двигатель неожиданно захлебнулся, негромко чихнув, машина мгновенно погрузилась до окон и медленно, явно не желая окунуться далее, принялась тонуть. Вода хлынула через открытые окна в салон, и Никита увидел, как безвольное тело Антона слегка приподнялось под напором воды, а потом машина ушла по самую крышу.

Понаблюдав за тем, как над утонувшей машиной расходятся широкие круги, милиционеры, побросав недокуренные сигареты, заторопились в «УАЗ». Громко хлопнули затворяемые двери, и автомобиль тронулся. Уже через минуту машина съехала со склона. Некоторое время Никита слышал звучание удаляющегося двигателя, затем умолк и он.

Шею неприятно саднило. Никита притронулся к ней пальцами и увидел на ладони следы крови. Значит, все-таки ободрался серьезно. Хотя это значительно лучше, чем лежать где-нибудь на дне затопленного карьера. Он подошел к краю карьера. На водной поверхности образовалась рябь, дул лег-

кий ветерок. На душе была тоска – кто бы мог подумать, что день закончится именно таким образом?! Постояв еще немного, словно он прощался с покойным, Зиновьев направился в поселок.

* * *

Утром заброшенный карьер выглядел совершенно иначе, был не таким зловещим, что ли. Внешне он очень напоминал озеро, по берегам которого обозначились небольшие, заросшие травой насыпи. Вода в карьере была чистая, прозрачная, с зеленоватым отливом. Красиво, в общем. Не придраться. И только зубчатые каменистые берега, почти отвесно сбегавшие вниз, свидетельствовали о том, что озеро все-таки рукотворное.

Каких-то несколько дней назад у берегов затопленного карьера стояло десятка два палаток, в которых проживали хитники со всех уголков России.

Хита – народ немногочисленный, они подолгу проводят время в поле, а потому большинство хитников связано совместными предприятиями и узами тесной дружбы. В иные времена каких только людей не встретишь на карьере, из каких только краев не приезжают: из Магаданской области, с Дальнего Востока, из Калининграда. Места всегда хватало на всех. Несколько раз Зиновьев видел гостей из Германии, по большей части бывших соотечественников. По тому, как

они работали на отвалах, было понятно, что просеивание изумрудов на панцирных сетках от кроватей для них дело не чужое. Были туристы и из Австралии, но это уже экзотика! Они с восхищением смотрели на изумруды, которые валяются у местного населения под ногами, и справедливо полагали, что Россия самая богатая страна мира, ведь в ней даже бродяги ходят по изумрудным копиям.

Так что неискушенному человеку здесь было на что посмотреть и чему поудивляться.

Отвалы промывались неоднократно, и, по всей видимости, не одним поколением хитников. Но всякий раз, после каждого проливного дождя из породы, как грибы, выступали изумруды, и оставалось только удивляться, каким же это образом земля продолжает рожать зеленые камешки.

В этот раз берег карьера был пустынен. Если, конечно, не считать двух милицейских машин с мигалками, четырех оперативников, стоящих на краю карьера, и водолаза, неторопливо, со знанием дела облачавшегося в водонепроницаемый костюм.

Неделю назад на лагерь хитников совершил набег отряд ОМОНа. Собственно, в этом не было ничего удивительного, милиция и раньше предпринимала подобные рейды. А некоторых, кому особенно не повезет, препровождала в районное отделение милиции, где вместе с разъяснительными беседами могла надавать и зуботычин. Но в этот раз все оказалось значительно серьезнее. Пальнув из автоматов поверх

голов, менты велели всем построиться в ряд, а когда хитники выстроились в разношерстную длинную колонну, приказали лечь на землю с заложенными на затылке руками, пинками поторапливая несогласных. Помнится, Никита хотел было приподнять голову, чтобы посмотреть, что же делается в палаточном городке, как тотчас почувствовал на своем затылке тяжесть армейского ботинка, безжалостно вжавшего его лицо в землю.

Часа два хитники безропотно пролежали на земле, руки у всех были заложены на затылке, и все это время омовцы энергично обшаривали каждую палатку. А когда они, наконец, разъехались, наподдав под зад особенно разговорчивым, то выяснилось, что пропали наиболее ценные камни.

Больше всех пострадал Бармалей, он же Константин Калганов, огромный детина двухметрового роста с длинной взлохмаченной бородой, у которого увели огранку почти на сто тысяч долларов. Причем держал он ограненные изумруды не где-нибудь на видном месте, а для отвода глаз в замызанной протертой рукавице. Следовательно, приезд милиции был не случаен, а тщательнейшим образом спланирован. Напрашивалась простенькая догадка – на Бармалея навел кто-то из своих. Но попробуй разберись в этой толпе, кто же все-таки стукнул. Подобные вещи без «интереса» не происходят, следовательно, «крыса» получила от набега какой-то свой процент, заранее обговоренный.

Собственно, произошедшее следовало воспринимать как

предупреждение судьбы, как некий знак свыше. Нужно было просто сворачивать свои пожитки и как можно дальше уезжать от опасного места. Большинство так и поступило. Но какой-то несговорчивый чертенок продолжал удерживать здесь Никиту. Вдвоем с Антоном они просто перебрались на триста метров в глубину леса, где и обнаружили гнейсовый валун.

* * *

– Подойдите сюда, – подозвал Зиновьева сухощавый оперативник лет сорока, который представился майором Журавлевым. И когда Никита подошел к кромке карьера, спросил: – Значит, вы говорите, что машина проехала именно здесь?

Вопрос был формальный, как много из того, что здесь происходило. Но, наверное, так полагалось. На кромке карьера были видны следы протекторов, которые срывались вниз. Причем не наблюдалось даже попытки приостановить машину. А на такое способен разве что самоубийца.

– Здесь, – показал Зиновьев на сбитые камни на краю карьера. Оперативник понимающе кивнул. – Потом машина стала погружаться, это было метрах в пяти от берега. Вон тот уступчик посмотрите, – показал он на нижнюю ступень карьера, которая также находилась под водой. Ее края были сбиты. Очевидно, машина упала на краешек и, балансируя,

провалилась на глубину. – Видите, даже муть со дна еще не осела.

– Да, вижу, – согласился майор.

В прежние годы на этом карьере велась добыча тантала и вольфрамита. Карьер был глубокий, не менее пятидесяти метров. Работы на нем прекратились каких-то лет тридцать назад, а потому каждый камень еще помнил прикосновение ковша. Не сложно было представить, как по длинному серпантину, будто бы из земного чрева, поднимались груженные породой грузовики. А на противоположной стороне к карьере шла широкая дорога, выложенная щебнем и стиснутая с обеих сторон высокими крутыми обрывами, дорога плавно спускалась к зеленоватой водной поверхности.

– А что это у вас на шее за царапина такая?

– Это я зацепился за сук, когда бежал по лесу.

– Да, конечно... А где находился «уазик»? – все тем же казенным голосом поинтересовался опер.

– Метрах в пятнадцати. Вот как раз рядом с вашей машиной. Там должны остаться следы.

Опрашивали его уже второй раз. И Зиновьев всерьез подозревал, что далеко не в последний. Создавалось впечатление, что оперативники желали подловить его на какой-то махонькой лжи, да вот все никак не получалось. Ведь вместе с первой группой оперов приезжали эксперт с криминалистом, которые не только осмотрели каждый сантиметр почвы, но и засняли следы протекторов, а брошенные окурки

упаковали в пластиковые пакеты.

– Вы случайно не заметили номер машины?

Зиновьев неопределенно пожал плечами.

– Было очень далеко, а потом все-таки ночь... Нет, ничего не разглядел.

Водолаз уже одел водонепроницаемый костюм и с некоторым ожиданием посмотрел на оперуполномоченного.

– Может, вы расслышали, о чем они говорили? – спросил майор. – Знаете, как это бывает, достаточно услышать одно ключевое слово, чтобы был понятен смысл всего остального.

Никита отрицательно покачал головой.

– Ничего такого... Посмотрите сколько метров до тех кустов! Разве можно что-то услышать?!

– Да, далековато, – как-то уж очень неохотно согласился оперуполномоченный, пригладив ладонью русую макушку. – Знаете, я тут наводил справки, получается, что в этот день на карьере не появлялся ни один милицейский наряд.

Губы Зиновьева невольно дрогнули.

– Но ведь не выдумал же я эту история, так ведь?

– Конечно же, не выдумали, – задумчиво согласился оперуполномоченный. Макушка явно не давала ему покоя. Ладонь вновь пригладила поднявшийся хохолок. – Кстати, а что вы делали в минералогическом заповеднике?

Вновь был задан вопрос, на который майор Журавлев заранее знал ответ. Глупо было бы говорить о том, что в минералогическом заповеднике он появился только из-за стра-

сти к природе. В этом районе не бывает случайных людей, каждый, кто сюда заявляется, хочет отыскать драгоценные камушки.

Следовало отвечать, но Никита никак не мог подобрать подходящие слова.

– Дело в том, что я... коллекционер.

Оперативник понимающе кивнул, даже улыбка на губах мелькнула.

– А вы знаете о том, что любой камушек в минералогическом музее-заповеднике находится под охраной?

– Знаю.

– И знаете о том, что за сбор камней первой группы предусмотрена серьезная статья?

– Наслышан, – сквозь зубы процедил Зиновьев.

– Вот видите, – как-то задумчиво протянул русоволосый опер. – Недра страны и все, что в них находится, принадлежит исключительно государству. Драгоценные камни запрещено раскапывать, продавать, перевозить и хранить. Их нельзя хранить даже в том случае, если это предмет минералогической коллекции, как в вашем случае. За это дают от пяти до десяти лет с конфискацией имущества.

– Я не знал, что...

– А незнание законов, как известно, не освобождает от ответственности.

Чувствовалось, что опер был хваткий и много повидавший. Никите очень не хотелось бы оказаться в качестве его

клиента. Повернувшись к водолазу, майор кивнул:

– Пошарь там, посмотри все как следует.

– Понял, Виталик.

– В «Ниве» должен быть труп.

Водолаз молча кивнул и, надев маску, пошлепал к берегу.

Журавлев и Никита со скрытым интересом наблюдали за тем, как аквалангист шел вперед спиной к воде, выискивая наиболее пологое место. Секунду постояв на краю, он оттолкнулся от кромки и упал в воду, обдав брызгами стоявших неподалеку оперативников.

Повернувшись к Зиновьеву, оперативник спросил:

– Не могли же они просто так на вас напасть? Должна быть какая-то причина, чтобы пойти на такой откровенный риск. Наверняка знали, из-за чего рискуют. Признавайтесь, они забрали у вас камни?

Еще один неприятный вопрос, на который предстояло ответить. И ведь не получится отмолчаться. Оперативник буквально прожигал его тяжеловатым заинтересованным взглядом и терпеливо дожидался ответа.

– Взяли... Камушки у нас были. Немного, штук десять. Наковыряли накануне. Признаюсь, очень неплохие. Я слабый оценщик, но за пять лет, что я занимаюсь хитой, такие мне попались впервые.

Майор ободряюще кивнул, оценив его откровенность, и уже несколько мягче спросил:

– «Зелень»?

Спросил обыкновенно, как бы между прочим. Почти по-приятельски. Даже профессиональный сленг ввернул, следовательно, хитническому делу он был не чужд. Не исключено, что в молодости тоже переболел камушками. Неудивительно, ведь паренек-то он как-никак уральский, а страсть к хитничеству здесь передается по наследству.

За время продолжительного разговора Никита впервые улыбнулся.

– «Зеленка».

– Значит, вы их кому-то предлагали?

– Да, – неохотно ответил Никита, понимая, что не удастся обойти столь щекотливую тему.

– И кому же?

– Егору Васильевичу. Он и раньше скупал у нас по изумрудику.

Оперативник слегка кивнул, сделав вид, что поверил.

– Знаю такого, продолжайте.

– Так было и в этот раз. На первый взгляд ничего особенного не происходило. Он удивился тому, что мы принесли очень хорошие камни. Позвал какого-то старика, тот тоже полюбовался «зеленью», а потом предложил нам за камни очень хорошую сумму. Но мы решили отказаться.

– Какая была сумма, если не секрет?

Никита чуток помялся, после чего откровенно отвечал:

– Пятьдесят тысяч баксов.

– Ого! Серьезная сумма. Просто так с такими деньгами не

расстаются. Как звали этого мужчину?

– Георгий Георгиевич.

Оперативник задумался, на какое-то мгновение его лицо приняло озабоченное выражение, после чего он спросил:

– Значит, вы предполагаете, что это убийство может быть как-то связано с вашим отказом?

Зиновьев пожал плечами.

– Не знаю.

– Как выглядел этот старик?

– По виду типичный интеллигент. Поначалу произвел на меня очень благоприятное впечатление. Правда, был настойчив не в меру. А это настораживало.

– Выходит, что вы не поддались на его уговоры и не продали ему «зелень»?

– Приберег. Я знал, что такие камни стоят значительно дороже.

– Получается, что вы выехали, а вас, значит, на дороге уже ждали?

– Выходит, что так.

– Понятно. Вот и водолаз наш выныривает, – кивнул оперативник в сторону пузырей, струившихся кверху неровной ленточкой.

Будто огромная хищная рыба водолаз мелькнул на поверхности темно-серым костюмом, а затем вынырнул уже у берега. Ухватившись за выступающий валун, он осторожно, стараясь не ободрать костюм об острые камни, поднялся по

импровизированным ступенькам и направился прямым ходом к майору.

Сняв маску и расстегнув костюм, он спросил, ни к кому не обращаясь:

– Закурить найдется?

Никита протянул ему сигарету. И когда аквалангист сунул ее в уголок рта, чиркнул зажигалкой и поднес огонек к его губам. Выглядел водолаз странно, даже как-то растерянно. Сделав первую затяжку, он спросил, обращаясь к Никите:

– Значит, ты, говоришь, «Нива»?

– «Нива», светло-серого цвета, – откликнулся Никита. Тон водолаза показался ему странным.

– Твой приятель был в машине один?

Никита удивленно посмотрел на водолаза.

– Да. Я уже рассказывал.

Кончики пальцев у водолаза слегка подрагивали. И, поди, пойми, в чем тут причина, – не то холод его одолевает, не то реакция на нервное возбуждение.

Водолаз повернулся к майору.

– Видел две «Нивы». Одна светло-серого цвета, в салоне один покойник. Машина упала на третью ступень серпантина, лежит на самом краю. Но она обязательно свалится дальше, очень неустойчиво держится. А вот немного ниже еще одна машина, тоже «Нива», но темно-зеленого цвета. В ней четыре мертвяка сразу.

– Ни хрена себе! – невольно вырвалось у опера.

Водолаз и вправду замерз. На гибкой мускулистой шее проявились мурашки. А может, это все-таки от увиденного зрелища? Сделав глубокую затяжку, он выдохнул в сторону дым, и ветер, свирепея, разметал его в клочья.

– Вот такие дела, – протянул водолаз безразлично.

– Что за вторая машина? Расскажи о ней.

Водолаз неопределенно повел плечом.

– «Нива» как «Нива»... Окна у нее закрыты. Внешних повреждений как будто не наблюдается. Хотя там на самом дне муть, и увидеть что-то конкретно трудновато. Но людей в машине я рассмотрел. Все четверо – мужчины. У каждого в черепе по дырке. Машина с московскими номерами.

– Ах, вот оно что, – задумчиво протянул майор. И, повернувшись к Зиновьеву, спросил: – Ты ничего не знаешь об этой машине?

– Какого, вы говорите, она цвета? – Никита почувствовал, что голос у него напрягся, в нем зазвучали интонации, о которых прежде он и не подозревал.

Водолаз перебросил языком сигарету в противоположный угол рта и с интересом посмотрел на Никиту.

– Скорее всего, темно-зеленого цвета. Но однозначно сказать трудно, все-таки вода.

– Кажется, я знаю, что это за машина. Месяц назад к карьере подъезжали ребята из Москвы, славные такие... Много шутили. В камнях неплохо разбирались. Простояли рядом с нами лагерем пару дней, вон у того уступчика, – показал Зи-

новьев на небольшую каменистую возвышенность. – Потом как-то сразу собрались и уехали.

– А они ничего не сказали?

– Один из них как-то обмолвился о том, что где-то километрах в пятнадцати отсюда нашли небольшую шахту, вроде там изумруды... Они хотели ее посмотреть.

– Не шутили?

– Кто их знает, хита очень ревнива к чужим успехам. Но, честно говоря, не думаю, чтобы все это было правдой. Все шахты известны, даже самые маленькие из них, добыча на которых приостановлена. А добывать без взрывов большие партии изумрудов невозможно. Ведь как достают «зелень»... Находят изумрудосодержащую породу, взрывают ее, потом на вагонетках вывозят на поверхность, где уже отбирают «зелень».

– Значит, никаких взрывов не слышали?

Никита отрицательно покачал головой.

– В нашем районе точно никто не взрывал, иначе грохот был бы слышен на всю округу.

– Но ведь это, может быть, какая-то небольшая жилка, – возразил майор. – Для этого достаточно одной только кирки. Знай долби себе! – слегка сощутив глаза, добавил он.

И опять майор был прав. Опер был из тех людей, кто способен вникнуть в дело основательно, погрузиться в него целиком, не пропуская при этом ни одной значимой детали. А что если он совсем не тот человек, за кого себя выдает? Че-

го ради обыкновенному оперу из убойного отдела вникать в тонкости горного дела? Специальной терминологией владеют люди из четвертого отдела ФСБ, занимающегося сырьем и драгоценными камнями.

– Это еще не все, – вновь вступил в разговор водолаз. – На самом дне находится еще машины. – И предупреждая возможный вопрос, он добавил: – Я насчитал девять. Но не исключено, что их больше. Они просто свалены друг на друга.

– Ничего себе, – ахнул майор. – Можешь сказать, как давно они там находятся?

Щеки водолаза порозовели, понемногу он приходил в себя.

– Некоторые машины лежат там действительно очень давно. Они уже покрылись илом, а вот другие утоплены совсем недавно.

– Трупы в них были? – напряженно спросил майор.

– Во всяком случае, в трех из них были точно.

Прозвенел мобильный телефон, вытащив его из кармана, Журавлев раздраженно прокричал в аппаратик:

– Ну и где там подъемный кран?! Выехал... Да он уже полчаса как здесь должен быть! – Щелкнув крышкой, он сказал водолазу: – Предстоит сегодня работенка!

– Мне одному не справиться.

– Вместе с подъемным краном должны прибыть еще двое аквалангистов. Как чувствовал ведь!

– Тогда дело пойдет, – удовлетворенно кивнул водолаз.

Никита ощущал себя в их присутствии совершенно лишним. Самое время отойти незаметно в сторонку. В конце концов, свое дело он выполнил, сообщил куда следует, пора возвращаться к своим делам. Не целый же день ему на покойников смотреть!

Но, по всей видимости, у майора Журавлева на его счет были совершенно иные соображения. Не замечая некоторой нервозности Зиновьева, он вдруг спросил:

– Вы сообщили о смерти вашего приятеля его родным?

Вопрос прозвучал упреком, и Зиновьев невольно поежился. Дело обстояло несколько сложнее – с Антоном они не были закадычными друзьями. Их связывало только несколько общих знакомых, да нынешний полевой сезон, проведенный в поисках камней. Всего лишь какой-то год назад они даже не подозревали о существовании друг друга. О своем компаньоне Зиновьев знал немного, разве только то, что проживал тот где-то на окраине Екатеринбурга вместе с сестрой и матерью.

– Нет. Я ведь даже не знаю, где он живет, – помявшись, виновато признался Никита. – Сообщите лучше вы. Вам ведь все равно положено это делать.

Майор как-то странно посмотрел на Зиновьева и подтвердил свое согласие сдержанным кивком.

– Хорошо. Вы мне можете ответить еще на один вопрос?

– Куда же я денусь? – пожал плечами Никита.

У карьера понемногу стал собираться местный народ, но

через красную матерчатую полосу, которой было оцеплено место происшествия, никто не переступал. Все с интересом поглядывали на карьер.

– Тоже верно. Согласитесь со мной, изумруды на рынок поступают по-прежнему регулярно, хотя разработка изумрудных рудников в настоящее время прекращена.

Работа на изумрудных карьерах действительно уже не велась несколько лет. И совсем не потому, что драгоценные камни никому были не нужны, как раз наоборот, необходимость в них испытывали все. Дело заключалось в том, что столь лакомый кусок не могли поделить между собой центральная и местная власть. Издавна сложилась традиция, что большая часть сырья уходила в Москву, меньшая часть изумрудов оседала в регионе. И здешние правители всерьез намеревались пересмотреть установленный процент.

Существовала еще и третья сила. Бармалей как-то обмолвился, что дважды на изумрудные копи приезжали посланцы от столичных воров в законе, однако они бесследно исчезли на обратном пути. Уж не на дне ли карьера они покоятся?

– Поступают, – вынужден был согласиться Никита.

– Тогда откуда же они берутся?

– Этот вопрос не ко мне, я этим не занимаюсь.

– Я вот к чему веду разговор: а может быть, москвичам все-таки удалось узнать, где именно в промышленном количестве добываются алмазы? Вот поэтому их и ликвидировали как ненужных свидетелей.

– Все может быть, – неопределенно пожал плечами Зиновьев.

Неожиданно подъехал милицейский «УАЗ». Тормоза скрипнули у самой красной ленточки и, придерживая съехавшую фуражку, из салона выскочил молоденький лейтенант. Не замечая обращенных на него взглядов, он подошел к Журавлеву и взволнованным голосом доложил:

– Товарищ майор, произошло еще одно убийство.

– Ну и дела! Где?

– В нашем поселке.

– Что за день сегодня, – выдохнул майор. – И кого убили?

– Местный оценщик. Все его называли Васильевичем.

Майор посмотрел на побледневшего Зиновьева.

– Ты случайно не про него рассказывал?

– Про него.

– Видишь, как оно получается. Понятым пойдешь?

– Куда же мне теперь деться? – обреченно махнул рукой

Никита.

– Игорь! – окрикнул Журавлев высокого парня, стоящего неподалеку. И когда тот подошел, сказал: – Тут в поселке совершено еще одно убийство. Я сейчас пойду на место, а ты за меня останешься. Скоро подъемный кран должен подойти. Водолазы подъедут, так что проследи за всем этим хозяйством.

– Хорошо, – кивнул Игорь.

Глава 4

ДРАГОЦЕНЩИК ВАСИЛЬЕВИЧ

– Кто первый обнаружил труп? – спросил майор у лейтенанта, войдя в дом.

– Женщина... Почтальон, – начал тот. – Она у нас в поселке уже лет двадцать пять работает. Очень порядочная. Васильевич часто не бывал дома, вот он и оставлял ей ключ, чтобы газеты в дом заносила. У нас шпана того и гляди весь почтовый ящик с газетами выпотрошит, а так надежно.

– Значит, он почитывал газетки-то?

– Получается что так.

– Тебя как зовут-то? – майор внимательно посмотрел на лейтенанта.

– Лейтенант Прохоров. Матвей...

– Вот что, Матвей, о чем рассказывала эта женщина?

– Как вошла в комнату, положила газеты... Вон они и сейчас там лежат, – кивнул Матвей на табурет, на котором действительно лежала целая стопка журналов с газетами. – Думала, что дома никого нет, а когда уходить стала, то заметила, что он на диване лежит. Подошла к нему, хотела спросить, чего это он дверь не открывает. Пригляделась, а он мертвый. Ну и сразу же ко мне побежала.

– А с чего это она взяла, что произошло убийство?

– Она думала, что он просто умер. Следов-то никаких. Это я уже потом предположил. Чисто по интуиции.

– Все верно. На шее у него отчетливая полоса, значит, его задушили. Скорее всего, каким-то шнуром. – Повернувшись к Никите, майор спросил: – Тебе приходилось бывать в доме Васильевича?

– Только пару раз, – честно признался Никита. – Мужик он был скрытный, приваживать к себе не любил.

Через окно было видно, как у дома понемногу собирается народ. Ничего удивительного, Егор Васильевич был человек популярный, а потому сочувствующих должно набраться предостаточно.

У калитки стояла немолодая женщина в темно-красном платке и причитала в голос. Раза три она пробовала войти в дом, но сержант мягко и одновременно настойчиво выпроваживал ее со двора. Голос горюющей женщины нервировал, и Никита никак не мог сосредоточиться.

Из-за приоткрытой двери просматривался диван, на котором лежал Васильевич, точнее были видны только ноги покойника, выглядывающие из-под коротких штанов.

– И что же вы видели в его доме?

Никита сглотнул слюну.

– У него было много чего. Друзы аметистовые на столе стояли, топазы были величиной с кулак, помню, цитрины очень приличные лежали горкой. Он особенно ничего и не прятал. Только головой вертеть как-то тоже ни к чему. Для

чего мне чужое добро!

– Тоже правильно! – легко согласился Журавлев, как-то странно посмотрев на собеседника.

Никиту обдало жаром.

– К чему вы это клоните?! Уж не подозреваете ли меня?! По-вашему получается, что сначала я убил Васильевича, потом Антона, а чтобы никто не догадался, решил сам сообщить в милицию?

Майор Журавлев улыбнулся.

– Да не переживайте вы так. Никто вас пока не подозревает. Давайте пройдемте в комнату, – сказал он дружелюбно и уверенно зашагал к распахнутой двери.

В комнате находились эксперт и техник-криминалист. Эксперт был высокий и тощий, с длинной щетинистой шеей, из которой строптиво и хищно выпирал угловатый кадык. А вот техник-криминалист, напротив, оказался невысокого роста, очень плотный, с явно обозначившимся животиком. На правом плече у него висел широкофокусный фотоаппарат, весьма подходящий для съемок в тесном помещении, и еще один, цифровой, весьма серьезная техника. В руках он держал миниатюрную видеокамеру и слушал разъяснение эксперта-криминалиста. А когда тот, наконец, закончил, согласно кивнул и продолжил фотографировать три побитых жестяных ведра, стоящих по углам и заполненных светло-зелеными бериллами.

Труд у техника-криминалиста не хитрый, в основном чер-

новой, знай снимай на видео и щелкай фотоаппаратом. Однако без него не обходится ни один выезд на место происшествия. В углу комнаты, на стареньком табурете стоял портативный копировальный аппарат, рядом в аккуратную стопочку были сложены десятка полтора фотографий.

Вот у эксперта работа творческая, требующая специальных знаний в области криминалистики. За один день такому не научишься. И, кроме личного опыта, в его ремесле важна интуиция, которая вырабатывается только с годами. Нужно не упустить ни одной из деталей, которые могут нести информацию о личности преступника. По тому, как морщил лоб эксперт, становилось очевидным, что дело продвигается не столь быстро, как хотелось бы.

Первое, что бросилось в глаза Никите, когда он вошел в комнату, так это большое количество друз, которыми был заставлен длинный стол, они же лежали и на полу, и по углам. Здесь были сиреневые аметисты, темно-желтые кубики пирита, спаянные между собой каким-то замысловатым образом, огромные полевые шпаты и темные, будто южная ночь, морионы. От обилия красок просто рябило в глазах, а эксперт, стараясь не раздавить какой-нибудь из оброненных камушков, всякий раз высматривал на полу свободное место. У стола в обыкновенных алюминиевых ведрах лежали зеленовато-голубые топазы, а в невзрачном тазике колючими ежиками торчали кристаллы александрита, всякий раз рассерженно вспыхивая красным цветом, как только сраба-

тивала фотовспышка.

– Сколько же здесь всего, – изумленно протянул Журавлев.

Эксперт лишь выразительно хмыкнул.

– Это еще не все. Вон в том шкафу ящик стоит, а в нем первоклассные изумруды.

– Давай взглянем, – предложил майор.

Перешагнув ведро с топазами, он подошел к шкафу и осторожно распахнул створки. Внизу, среди вороха несвежего белья, стоял грубовато склоченный ящик, а в нем лежали куски слюдиты, из которого во все стороны, будто зеленые карандаши, торчали изумруды.

– Вот это да! – невольно выдохнул Журавлев. – Я такого количества «зеленки» за всю свою жизнь не видел. – Не удержавшись, он поднял кусок породы, из которой, параллельно друг другу на искрящейся слюдяной поверхности лежали длинные кристаллы изумруда. – Вот этот особенно хорош. – И, повернувшись к Никите, майор спросил: – У вас такие пропали?

Поколебавшись, Зиновьев признался:

– У нас были лучше, у этих цвет темный, а наши изумруды были посветлее. Цвет – тройка...

– Что за цвет?

– Как бы вам это поточнее сказать. Вот эти изумруды как будто бы цвета пожухлой травы. А у нас такого... Ну, в общем, когда весной листья распускаются, но еще не успели

насытиться хлорофиллом. Тогда цвет у них становится ярко-зеленым. А в середине лета эти листья уже темно-зеленые.

– Хм... Образно. А с «шуриками» вы работали? – неожиданно спросил Журавлев, хитро посмотрев на Зиновьева.

Опять майор ловко ввернул сленг. Именно так хитники называли александриты. И Никита все более убеждался в том, что оперативник Журавлев специализируется по драгоценностям. Несколько лет назад в Главном управлении по борьбе с организованной преступностью была создана специальная группа, занимающаяся расхищением драгоценных камней. Не исключено, что он был одним из руководителей группы.

Виновато улыбнувшись, Зиновьев произнес:

– Я ведь коллекционер... Если только в коллекцию.

– Мы у тебя еще дома не были, – сдержанно напомнил Журавлев. – Может, у тебя не меньшее богатство.

– Да куда мне! – вздохнул Никита. – Моя коллекция занимает всего лишь две полочки. И образцы-то у меня не самые хорошие.

– И какие же?

– Пара топазов, есть дымчатый кварц, ну, может быть, в породе будет с пяток крошечных александритов. А здесь, – махнул он рукой в сторону ведра с сапфирами, – один только кристалл с голову ребенка.

– Так вот, я тебе хочу напомнить, – майор уже обращал-

ся к нему на «ты», и всякий раз Зиновьев ощущал при этом какой-то внутренний протест. Но ведь не сделаешь же замечание. Не так поймет. – Срок за уклонение от сдачи драгоценных камней государству – до пяти лет!

– Но ведь...

– Не надо мне втирать, что свои камни ты собирался сдавать завтра утром! Я уже слышал об этом. Не прокатит! А еще я напишу рапорт, чтобы тебя прессанули, как следует, – жестко добавил он.

– Послушайте...

Неожиданно майор широко улыбнулся.

– Расслабься! Все это может с тобой случиться, если мы не найдем общего языка. Ты понимаешь меня?

– Да, – подавленно протянул Никита.

Подняв кусок породы, из которой торчали александриты, каждый величиной с крупную горошину, майор спросил:

– Знаешь, сколько могут стоять эти милые «шурики»? Не менее ста тысяч долларов. И эти деньги просто так валяются под ногами в обыкновенной избе, где даже толкового замка нет. Грабителя не заинтересовали камни, следовательно, в квартире Васильевича лежало нечто более ценное, чем «зеленка» и «шурики». Тогда что же это может быть, неужели «белые»? – уверенно предположил Журавлев.

Никита Зиновьев невольно сглотнул. «Белыми» огранички называли алмазы. «Шурики», «зеленка», «красные» и «синие» по сравнению с «белыми» считались просто дет-

ским баловством. Алмазы совершенно другой уровень, это серьезно, и спрашивать за них будут значительно строже.

В этот момент Никита позабыл даже о Васильевиче, который лежал на диване, вытянувшись во всю длину. Его голова покоилась на грязной подушке, из которой во все стороны повылезали перья. Носки у покойника были протертые, выдавшие виды, из них выглядывали большие пальцы с пожелтевшими растрескавшимися ногтями.

Никиту всегда удивляла способность драгоценщиков проживать в нищете. И это при том, что они буквально сидели и спали на самоцветах. Часто в их доме не бывало даже буханки хлеба, а где-нибудь в шкафу мог лежать кристалл стоимостью в несколько десятков тысяч долларов.

– Не знаю, – пожал плечами Никита, понимая, что угодил в настоящие тиски. Этот майор умел душить. И уж если ухватил за кадык, то будет держать до тех самых пор, пока не испустишь дух. – Я уже говорил, что Васильевич был человеком скрытным и своими планами ни с кем делиться не любил.

– А ты сам не занимаешься «белыми»? – как будто бы между прочим спросил Журавлев.

– Упаси боже! – с жаром открестился Никита. – Я ведь коллекционер, а не драгоценщик. Для коллекционера что важно? Красота! А драгоценщики этого не ценят, для них камушки обычный товар. Где-то нарыл втихаря, потом отгранил и выгодно продал! Я человек совсем другого плана,

для меня важнее эстетика, если хотите!

– Понятно.

Скулы Васильевича заострились. На коже у самых глаз проявились темные пигментные пятна. Раньше Никита их не замечал.

С улицы раздался какой-то шум. Затем опять отчаянно запричитала женщина.

– Что там еще? – раздраженно повернулся майор к двери.

– Какая-то женщина хочет пройти, – сказал лейтенант.

– Кто такая?

– Когда-то она жила вместе с Васильевичем. Не драться же мне с ней!

Журавлев вздохнул. Не самое подходящее время для истерик.

– Верно, не драться. Пусть войдет, – распорядился он. – Будет понятой. Объяснишь ей, что тут к чему. Скажешь, что если будет причитать, тогда выставлю!

– Понял, – сказал лейтенант заметно повеселевшим голосом и тотчас вышел.

В комнате не оставалось ни единой вещицы, на которую эксперт и криминалист не обратили бы свой внимательный взор. Они заглядывали в шкаф, перебирали полки с бельем, обследовали темный чуланчик и всякий раз неизменно возвращались с сюрпризом. Сначала это была тарелка с рубинами, которые хитники запросто называли «красными», затем лукошко, которое до самого верха было заполнено сапфира-

ми. А это уже «синие»...

По тому, как они проводили осмотр, было заметно, что в своем деле они невероятные доки, но даже в их глазах пробивалось нечто очень похожее на восхищение, когда они в очередной раз натыкались на кастрюлю, до самого верха заполненную «зеленкой».

Подошел лейтенант, вместе с ним была женщина средних лет. Правильные черты ее лица свидетельствовали о былой привлекательности. Приложив платок к губам, она сдержанно хныкала. Журавлев задержал на ней взгляд, допрашивать сейчас – не самая лучшая затея.

Женщина подошла поближе к покойнику, горестно всхлипнула и отошла в сторонку. От такого зареванного понятого толку маловато, но формальность будет соблюдена.

– Если его и могли за что-то убрать, так только за «белые», – уверенно сказал Журавлев. – Один такой камушек величиной с ноготок может стоять в несколько раз больше целого ведра «зеленки». Ищите! Должны быть алмазы!

Лицо покойника выглядело спокойным, даже умиротворенным. Открытые глаза смотрели прямо перед собой и одновременно никуда. Егор Васильевич казался настолько погруженным в свои потаенные мысли, что даже не замечал присутствующих. А они, совершенно не думая о том, что могут как-то досаждать усопшему и причинять ему некоторое беспокойство, ходили туда-сюда, что-то замеряли лентой на полу и собирали осколки расколовшегося граненого стакана.

Журавлев подошел к тазику с драгоценными камнями. Необработанные и замазанные породой, они выглядели не очень презентабельно, но тем не менее впечатляли. Держался майор хладнокровно, волнения не проявлял, вот только половицы под его ногами, когда он стал раскачиваться на носках, стали поскрипывать как-то уж излишне нервно.

– Многих из этих камушков на Урале просто нет, – наконец сказал он.

– Как так? – удивленно протянул Матвей.

– Все они привезены из разных мест. Честно говоря, некоторые из них я и сам вижу впервые, – признался Журавлев. – Хотя за свою жизнь я повидал камней немало, – при этих словах губы опера разошлись в улыбке. Наклонившись, он поднял один из голубоватых камушков и спросил: – Знаешь, что это за камень?

– Трудно сказать.

– Верно, трудно... Слишком необычен цвет. Это голубой изумруд. Он из Колумбии. Значит, у покойника с Латинской Америкой были налажены деловые связи. – Усмехнувшись, майор сказал: – А может, он в Колумбии прииск имел?

Лейтенант вяло оскалился, восприняв сказанное, как шутку.

– А ты зря улыбаешься, – очень серьезно отреагировал майор. – Я с полгода назад одного драгоценщика брал в Екатеринбурге, так он владел несколькими изумрудными рудниками в Африке. – Так что в наше время все возможно. – По-

вернувшись к женщине, скорбно вытиравшей платком глаза, Журавлев спросил: – У Егора Васильевича в доме есть подвал?

– А как же без подвала-то, он, сердешный, очень соленые огурчики любил, – плаксиво проговорила женщина, готовая разрыдаться. – Сам их солил, по какому-то старинному рецепту. Никому засолку не доверял. Махонькие такие с огорода подбирал, один к одному, – неожиданно просветлело ее лицо. – Как откусит, так...

– А где находится этот подвал, вы не могли бы сказать? – прервал ее воспоминания Журавлев.

– А вы на нем как раз стоите, – озадаченно указала женщина. – Откиньте половичок и увидите там кольцо. Только тяните посильнее, крышка тяжелая. Да и разбухла в последний месяц, а Егору-то все времени не хватало ее починить, – плаксиво сказала она, готовая вновь уткнуться лицом в платок.

Журавлев небрежно отпихнул носком половик. Действительно, вот крышка подвала. Потянув за кольцо, он не без усилия открыл ее. Взор натолкнулся на неприветливую темноту, из глубины которой неприятно потянуло сыростью и плесенью.

– Где тут свет?

– А вы на две ступеньки спуститесь, – оживилась женщина. – И с правой стороны выключатель будет.

– Спускайтесь за мной! – кивнул майор.

– Куда же это я с вами-то полезу? – запротестовала тетка. – Пусть молодежь лезет, – и вновь уткнувшись лицом в платок, добавила: – А я уж с Васильевичем побуду.

– Ну, чего стоишь? – прикрикнул Журавлев на застывшего Никиту. – Полежай за мной!

Журавлев начал спускаться в подвал. Ступеньки капризно поскрипывали.

Где же этот чертов выключатель? Ага, вот он!

Майор повернул рычажок. Под потолком тусклым желтоватым светом вспыхнула лампа. Журавлев спустился еще на две ступени. Где-то в углу пискнула крыса. «Никуда от этих тварей не денешься!» – брезгливо поморщился майор.

А это еще что за дела?

На длинной жердочке, пристроенной от одной стены до другой, висели золотые цепочки разной длины и разного плетения. Их было много, несколько десятков, на любой вкус. Вот, значит, какие огурчики в подвале у Егора Васильевича.

Все сразу их не унести, придется спускаться несколько раз.

– Матвей! – громко крикнул Журавлев.

– Да, – предстала в проеме простоватая физиономия лейтенанта.

– Принимай груз. – Журавлев подошел к жердочке и стал снимать цепочки, невольно ощущая их тяжесть. – Возьми!

– Ого!

– Это еще не все.

– Понял. – На минуту лейтенант пропал, затем появился вновь. Протянув пакет, сказал: – А может быть, сюда?

– Давай. Только хватит ли? – усомнился Журавлев. – Еще один есть?

– Найдется. – Скрывшись, через минуту лейтенант возвратился, держа в руках точно такой же пакет. – Хватит?

– Надеюсь, – неопределенно отозвался Журавлев, снимая с жердочки очередную цепочку. – Впечатляет? – спросил он у примолкшего Зиновьева.

– Есть немного, – честно признался Никита.

– Только-то и всего? – хмыкнул Журавлев. – Видно ты, парень, много повидал за свою жизнь. А на меня, знаешь ли, впечатление все это произвело сильное. Трудно сказать, какова стоимость всех этих цепочек, но если сложить их все вместе, то из них запросто можно сплести канат. И это не говоря о камнях, которых здесь на сотни тысяч долларов... Ладно, пойдем, – окинул он на прощание подвал долгим взглядом. Глаза майора неожиданно округлились. – А это еще что такое? Покойничек-то, кроме огурцов, еще и черную икру солил!

Никита невольно повернулся в ту сторону, куда смотрел майор. На верхней полке, между двумя трехлитровыми банками с огурцами, стояла крошечная баночка, в какой обычно продают черную икру. Аккуратно запакованная, она не привлекала к себе внимания, и оставалось только удивлять-

ся каким это образом майору удалось ее рассмотреть среди множества всяких посудин.

– Давай взглянем.

Раздвигая маринады, он дотянулся до баночки. Взяв ее в руки, Журавлев повертел находку со всех сторон, после чего удовлетворенно хмыкнул.

– Об такую икру точно все зубы поломаешь. Ты знаешь, что это такое? – со скрытым восторгом спросил майор.

Никита невольно пожал плечами.

– Откуда же мне знать?

– Черные алмазы.

Никита с интересом подался вперед, рассматривая черные горошины. Видеть черные алмазы ему приходилось, но то была огранка в золотой оправе, а здесь нечто иное. Да и на алмазы они совсем не походили, больше напоминали высушенный почерневший горох, и только свет, который преломлялся на поверхности граней, свидетельствовал об их уникальности.

– Вот оно что, – в изумлении протянул Никита.

– Знаешь, они откуда?

– Понятия не имею.

– ЮАР.

– Откуда такая уверенность?

– А потому что черные алмазы встречаются только там. Знать бы только, по каким каналам покойник их добывал. Похоже, что эту тайну он забрал с собой. Что-то многое на

нем сходится. Тут надо покопаться... Ладно, давай вылезать, пусть ребята еще пошарят здесь как следует. Может, что-нибудь еще и выплывет. Даже того, что мы уже имеем, хватит описывать до самого утра. Ты ведь никуда не торопишься?

– Да, собственно...

– Вот и отлично! – живо подхватил Журавлев. – Я знал, что ты парень с пониманием.

Небрежно подхватив банку с алмазами, майор торопливо стал подниматься по лестнице.

В комнате работа продолжалась. Эксперт, одев резиновые перчатки, осторожно повернул голову Васильевича. Лицо его при этом было скорее одухотворенным, чем деловитым. На его худощавой физиономии отразились все муки творчества.

– Что ты скажешь? – спросил Журавлев.

– Сказать что-то однозначно пока трудно, – не сразу ответил эксперт. Острый кадык на его шее судорожно дернулся. – По всей видимости, его задушили, когда он спал. Убийц было как минимум двое, вот посмотрите на эти красные полосы на голени, – задрал он штанину, обнажив тощие ноги Васильевича. – Его кто-то держал. Хотя точнее может показать только вскрытие.

– Что ты еще можешь предположить?

– Пьяный был, от него сивухой даже сейчас потягивает.

– Выпить он любил, это и без экспертов понятно, – хмыкнул Журавлев, показав взглядом на батарею бутылок, неряш-

ливо стоящих вдоль стены.

– Может, и специально напоили, с пьяным-то легче справиться.

Женщина вновь скорбно всхлипнула.

– Вполне возможно. Следовательно, преступников было двое? – осторожно переспросил Журавлев.

– Не меньше двух, – неопределенно сказал эксперт. – Хотя на присутствие посторонних ничего не показывает... Почти ничего, – поправился он. – Явных следов на полу нет. Как будто бы его гости ходили в тапочках. Пепельницы тоже пустые. Стаканы все чистые, даже протертые, стоят аккуратно. А ведь покойник чистоплотностью и порядком не отличался, насколько я понял.

– Тебя что, чистота настораживает? – удивленно вскинул брови майор Журавлев.

Он успел распечатать баночку с черными алмазами и принялся осторожно высыпать их на белую холщовую тряпочку. Просыпавшись в черную неровную дорожку, черные камушки невольно приковали к себе внимание всех присутствующих. В этих драгоценностях, непривычных на первый взгляд, было что-то магическое. На них хотелось смотреть, гладить пальцами их гладкую поверхность. Видно, не удержавшись, Журавлев поднял самый крупный из них, и будто бы опасаясь искорок, что блуждали внутри камня, осторожно поднес его к глазам, проверяя прозрачность. Свет проник через неровную поверхность вовнутрь, и, обломившись, за-

стыл в радуге. Ему было хорошо в черном прозрачном хранилище, и он не желал возвращаться обратно.

Глаза Журавлева сделались необычайно серьезными. Его не радовал даже искрящийся свет. Сжав алмаз в ладони, майор некоторое время подержал его, после чего положил на белую холщовую поверхность.

Эксперт сказал:

– Можешь называть это интуицией или еще как-нибудь... Но в таком доме не бывает чисто. Покойник привык к определенному стилю жизни, привык долго обходиться без женщины. – Из угла комнаты вновь прозвучал сдержанный бабий всхлип. – Беспорядок в комнате для него вполне естественная вещь. Вот даже взять хотя бы его кухню, – кивнул он на стол, заваленный топазами, рубинами, крупными дрюзами. Оставалось всего лишь крохотное место в два кулака, куда он мог бы поставить чашку с блюдечком. – А на полу все прибрано. Такое впечатление, что тут даже подмели. Честно говоря, я не представляю покойника с веником и совком. Нет и окурков. Никаких! Хотя они должны быть, ведь покойник курил!

Журавлев согласно закивал.

– Это правда.

– Так вот, мне интересно знать, куда же все это подевалось?

– Ты хочешь сказать, что весь мусор они унесли с собой? – спросил Журавлев.

– Скорее всего, так оно и есть. А уже потом выбросили куда-нибудь.

– И твое предположение?..

– Против него работали серьезные люди, знакомые с основами криминалистики. И он с ними был хорошо знаком! Они вместе покурили, выпили водочки, а когда получили все удовольствия, то решили придушить его.

– Вот только бы знать за что. Неужели нет никаких зацепок? – с некоторой надеждой спросил Журавлев.

– Пока не вижу.

Вошел оперативник. Выглядел он взволнованным.

– Что у вас?

– Мы нашли белый алмаз, – негромко объявил он и разжал ладонь.

В ее центре лежал алмаз величиной с крупный ноготь.

– Ни хрена себе! Сколько же в нем карат?

– Наверное, пять.

– А хорош! Я думаю, что в нем даже побольше будет. Камушек такого размера обязан иметь собственное имя. Где вы его нашли?

– В тюбике крема для бритья.

– Неглупо запрятал. Как догадались?

Парень пожал плечами.

– Что-то сработало, трудно даже объяснить. Крем дорогой, а такие люди как покойник к этим вещам не очень-то привычные. В общем, выбивался этот тюбик из общей кар-

тины: старый станок, потрепанная кисточка...

– Понятно.

– Пощупали, почувствовали, что-то торчит. Потом на боку увидели срез. Через него и вытащили алмаз. Уж не из-за него ли убили?

– Все может быть. Ладно, поговорим об этом потом. – Гриша, – подозвал майор к себе одного из оперативников. – У тебя почерк хороший, давай начнем описывать. Корунд светло-голубого цвета, бочковидный формы, размером... – Повернувшись к Никите, сидевшему на краю стула, Журавлев спросил: – Так, товарищи понятые?

– Все верно, – буркнул Зиновьев, с грустью подумав о том, что домой выберется не скоро.

Глава 5

ЦЕННОЕ ПРИОБРЕТЕНИЕ

Алмаз лежал на толстом сером листе бумаги и поблескивал крутым бочком. Камень был очень крупным, едва ли не в половину фаланги большого пальца. С одной стороны поверхность неровная, какая-то волнообразная, с неравномерным раковистым изломом, с другой – поблескивает грань. Алмаз был слегка вытянут, обрываясь тупой плоскостью, словно кто-то намеренно отрезал ее. И совершенно ничего такого, что могло бы указывать на то, что он является царем всех камней. Вот разве что блеск, который как будто бы струился из сердцевины камня и приковывал к себе внимание.

Таким свечением не обладает более ни один из известных камней.

Зальцер узнал этот алмаз по фотографии и теперь, с интересом разглядывая его, не мог поверить в удачу. Он сделал вид, что незнаком с камнем, взял алмаз тонким пинцетом, посмотрел его на свет, широко и почти по-детски улыбнулся. Такого ликования он не испытывал лет двадцать. Камень будто бы хотел порадовать ювелира, сверкал, переливался. И это только первородный материал! А что же будет, когда этому творению природы придадут полную бриллиантовую огранку!

На одном боку камня Зальцер рассмотрел крохотный, едва заметный пузырек. Камушек он не испортит, но при огранке эту часть придется сточить.

В гостевой комнате он обычно принимал особо состоятельных клиентов, потому что в этих делах следовало соблюдать полнейшую конфиденциальность. Однако клиент, сидевший сейчас перед ним, с первого взгляда не производил впечатления состоятельного человека. Одежда старая, стоптанные ботинки, да и выбрит не особенно тщательно. Своему внешнему виду он не придавал абсолютно никакого значения. Обыкновенный старикан, кое-как проживающий на крохотную пенсию. Ему бы в руки авоську, из которой торчит батон, и тогда портрет будет полностью завершен. Только побеседовав с ним несколько минут, Зальцер понял, что этот старик был не столь прост. И неудивительно, что у него в кармане лежат камушки стоимостью в сто тысяч долларов. А может, и побольше...

А потому обходиться с ним следовало, как с самым желанным клиентом. Таким, кроме доброго слова и мягкого кресла, полагалась еще чашка хорошего кофе.

Старик, казалось, не замечал юношеского восторга ювелира и крохотными глотками попивал кофе.

Иосиф Абрамович поднял на старика глаза и спросил:

– Простите, как, вы говорите, вас зовут?

– Павел Александрович, – губы гостя дрогнули в доброжелательной улыбке.

Иосифу Абрамовичу Зальцеру было немногим за пятьдесят, и принадлежал он к потомственным ювелирам. Его дед во времена НЭПа владел несколькими изумрудными приисками и слыл крупнейшим добытчиком ювелирных камней по всему Уралу. Вот только продолжалось эта вольная пора, к сожалению, очень недолго... Прежних хозяев большевики повыгоняли, а рудники национализировали.

Его дед был одним из первых, кто начал добывать россыпные алмазы на Вишере, а потому Иосиф насмотрелся на них еще в детстве, порой играя драгоценностями, как забавными камушками. Но алмазы такого размера видеть ему приходилось крайне редко. Можно было пересчитать по пальцам подобные случаи.

Любой ювелир это в первую очередь коммерсант. А по закону рынка полагается делать недовольную физиономию и сбивать цену. Однако Зальцер ничего не мог с собой поделаться, и юношеский восторг буквально на части разрывал все его существо.

– А хорош! – вновь восхитился он. – Откуда у вас такая красота, Павел Александрович?

Старик сделал небольшой глоток кофе и ответил, пожав плечами:

– Даже затрудняюсь сказать, он у меня уже давно... Остался от родителей.

Зальцер скупно улыбнулся. Согласиться с подобным утверждением было трудновато. Большевики были народом суро-

вым, за подобные тайны, лежащие где-нибудь в бабкином сундуке, они запросто ставили к стенке. Немного могло в те времена отыскаться охотников хранить такой камушек. А потом ведь неограниченный алмаз никуда не сдашь. Это сырье. Значит, ты его где-то откопал, следовательно, нарушил закон. Все камни первой группы принадлежат исключительно государству. А уж о таких раритетных вещах как этот экземпляр и говорить не стоит! А если все-таки попытаешься его куда-нибудь сплавить, так обязательно отыщется какой-нибудь доброхот, который шепнет в органы, что появился клиент, у которого имеются «белые» едва ли не в три сантиметра длиной.

Такие камушки могли безбоязненно хранить у себя только самые высокопоставленные особы, и глупо было бы думать, что батяня этого старика был какой-нибудь крупной шишкой.

– Да, конечно, – тем не менее согласился Зальцер.

Он помнил еще одно правило – следует угодить клиенту, тем более такому состоятельному, как тот, что сидел перед ним. К тому же совершенно не знаешь, чего от него можно ожидать, возьмет да и заберет с собой столь уникальный камушек. А расставаться с такой редкой вещью было очень жаль.

Следовало бы задать главный вопрос, сколько же он попросит за такую красоту. Зальцер оттягивал серьезный разговор, продолжая любоваться камушком.

– А у вас еще есть что-нибудь подобное?

Старик мягко улыбнулся.

– Может, кое-что и отыщется, – неопределенно ответил он. – Но мы сначала должны определиться по этому камню.

– Да, конечно, – как бы спохватившись, ответил Иосиф Абрамович. – Так сколько вы хотите за этот алмаз?

Драгоценщик старался отыскать в глазах старика нечто похожее на алчность – вспыхнувший в глазах огонек, нервное подрагивание пальцев, некоторое возбуждение. Однако ничего такого не обнаружилось, словно речь зашла всего-то о второй чашке кофе. Зато в глазах Зальцера появилась некоторая задумчивость, ювелир как бы решал какую-то задачу. Сколько ложек сахара положить гостю в чашку, две или все-таки он согласен довольствоваться одной?

– А какова, по-вашему, должна быть стоимость этого алмаза? – безмятежно спросил старик.

Лицо Зальцера приняло задумчивое выражение. Ему тысячу раз приходилось слышать подобные слова. Всякий раз реагировать на них приходилось по-разному. Но сейчас он терялся в догадках, не зная, как же следует поступить в данном случае. Старик разбирался в камнях, это несомненно. Значит, нелепо было бы предлагать ему слишком маленькую цену. Он может просто подняться и уйти, выразив язвительное сожаление, а в другом ювелирном магазине его с таким камнем встретят не менее радушно. Но много давать тоже не хотелось, чего же работать себе в ущерб! Нужно проявить

такт и еще нечто такое, что заставит старика согласиться.

– Вещь хорошая, – сдержанно кивнул Зальцер. – Однако я хочу вам сказать, что камень не без изъянов. А это обстоятельство значительно снижает его цену. Вы рассматривали камушек под лупой?

– Приходилось, – все также спокойно ответил старик.

На его лице блуждала почти снисходительная улыбка. Так улыбаться может человек, у которого от сидения на мешке с драгоценностями образовалась огромная мозоль на заднице.

– Вот видите! – воскликнул Иосиф Абрамович. – Вот тут у алмаза имеется маленький бугорок. По-другому это называется дефект. Его придется очень сильно срезать, камень значительно уменьшится в размерах, что отразится на цене при дальнейшей продаже.

– На этом месте можно свести грани, – уверенно сказал старик.

– Хм... – клиент рассуждал как опытный скольщик. – Это будет сложно, потребует дополнительных усилий. Я вижу, что вы разбираетесь в камнях.

Старик опять снисходительно ухмыльнулся.

– Только самую малость.

– Далее, чтобы придать камню надлежащую огранку, придется срезать и вот этот участок. Значит, следует стачивать и смежную сторону. Понимаете в чем дело, – раздосадованно воскликнул ювелир, – камень тотчас потеряет почти половину карата. И это только то, что я увидел сразу. А ведь вполне

могут обнаружиться очень много неприятных моментов, когда камень будет исследован не навскидку, а более тщательным образом. А вот с этой стороны камушек слегка желтоват. Конечно, этого не увидеть с первого взгляда, – серьезно продолжал Зальцер. – Но вот если посмотреть его под микроскопом, то можно разглядеть это расплывшееся пятно, – губы оценщика сочувственно сжались. – Эту часть камня придется даже удалить. – Зальцер сделал вид, что глубоко задумался, словно подобная идея к нему пришла только что. – Возможно, даже придется резать алмаз на две части, а может быть, даже на три.

Старик, тепло улыбнувшись, произнес:

– Вы хотите сказать, что этот камень ничего не стоит?

– Ну что вы! – возмущенно воскликнул ювелир. – Я просто хотел обратить ваше внимание на некоторые изъяны в этом алмазе. – Я дам вам за него тридцать тысяч долларов! – проговорил он почти торжественно, надеясь отыскать в глазах старика хотя бы какую-то перемену.

Но лицо гостя выглядело застывшим и напоминало лик Будды на многочисленных скульптурах, он был приветлив и одновременно холоден. Попробуй разберись, какие именно мысли прячутся у него в голове.

Губы старика чуток раздвинулись, показав первоклассные протезы. Похоже, что этот дед ничего для себя не жалеет.

– Деньги, конечно, хорошие, – неопределенно протянул он. – Но я бы хотел за этот камушек семьдесят тысяч долла-

ров, – Зальцер едва не крикнул от досады. – Конечно, я могу подвинуться в цене ради нашей дружбы. Скажем так, на три тысячи долларов. Но не больше.

Иосиф Абрамович продолжал молчать, соображая, как же следует реагировать на слова старика. За эти несколько минут он уже успел сродниться с этим камнем. Алмаз сделался его плотью, вошел в его кровь, стал его частью, превратился в родное существо. Расставаться с ним можно было только вместе с кулаком, в котором был зажат камень.

– Помилуйте! – наконец, воскликнул ювелир. – Вы просите такие невероятные деньги!

– Ну, хорошо, вы очень убедительны и красноречивы, я вам уступлю еще, – сдался старик, положив ладони на подлокотники кресла. Улыбка его сделалась еще шире, еще добрее.

Иосиф Абрамович внутренне сжался.

– Пять тысяч долларов!

Ювелир невольно кашлянул. Старик явно издевался над ним.

– Это не цена.

Старик обескураженно развел руки в стороны.

– Ну, если у вас нет таких денег, тогда разрешите откланяться.

– Вы можете подождать хотя бы с месяц?

– Знаете, я старый человек, в моем возрасте время течет просто стремительно. Я не могу ждать.

Поднявшись, старик вытянул руку, пытаясь получить назад свой алмаз.

– Может, вы сейчас возьмете часть денег, а, скажем, через пару недель я вам отдам остальное? Это же просто очень большая сумма!

– Жаль, но я рассчитывал получить всю сумму сразу, – старик оставался непреклонен. – Мне не восемнадцать лет, чтобы я мог откаладывать свои дела на завтра.

– Какой вы все-таки несговорчивый, – покачал головой Зальцер. – Просто руки выкручиваете! У меня имеется такая сумма. Берег ее для самых экстренных случаев.

– А это и есть как раз такой случай, – спокойно уверил его старик.

– Я тоже так думаю. Обождите меня здесь, Павел Александрович, – кивнул ювелир. – Я сейчас приду.

Достав ключ, он открыл маленькую дверцу и вошел в небольшую смежную комнату. Бронированная дверь медленно прикрылась. Сделанная из толстых листов железа, она была способна выдержать ударную волну значительной мощности. Гости в магазин заходили разные, а потому стоило быть готовым к самым неожиданным поворотам.

В глубине комнаты, за большой картиной с тропическими плодами находился сейф, встроенный в стену. Тоже весьма хитрое сооружение, не зная секретов, вряд ли возможно его открыть. Даже если разобрать стену, то содержимое сейфа все равно останется недоступным – его защищали брони-

рованные стенки, о которые ломались самые твердые сверла. Впрочем, стенки сейфа можно было бы разрезать автогенном, против которого бессильны даже титановые сплавы. Но и в этом случае для защиты от грабителей предусмотрена маленькая хитрость. Как только огненная струя коснется бронированной поверхности, тотчас сработает сложнейшая сигнализация, и комната мгновенно заполнится парализующим газом. При этом входная дверь тут же блокировалась, а открыть ее возможно было только с внешней стороны.

Отпереть сейф мог только хозяин, совершив несколько безошибочных операций. Если случайно перепутать их последовательность, то на пульт централизованной охраны тотчас поступал сигнал тревоги.

Зальцеру было что беречь: в сейфе лежало восемьсот тысяч долларов. Не такая уж и малая сумма на форс-мажорные обстоятельства. Отдавая шестьдесят пять тысяч долларов, Иосиф Абрамович при этом совершенно ничего не терял. Он прекрасно знал цену этому алмазу. Даже при самом скромном раскладе он выигрывал до трехсот тысяч долларов! Весьма неплохо за пятнадцать минут милого разговора.

В Израиле, в Хайфе, Зальцер имел небольшую мастерскую по огранке алмазов, в которой работали трое из его многочисленных племянников, так сказать, небольшой семейный бизнес. В России он в основном занимался тем, что скупал алмазы, которые переправлял по своим каналам в Израиль. Чаще всего трансферт проходил через Армению, где

у него были отлажены добрые связи. Иосиф Абрамович не упускал возможность отыскать и новые каналы, но всегда относился к этому с предельной осторожностью. После обработки ограненные алмазы возвращались в Россию, но вот стоимость их при этом увеличивалась многократно.

Чаще всего партии алмазов, переправляемые в Израиль, были небольшими, да и алмазы по величине не превышали одного карата, но в этот раз он держал в руках уникальный камень более чем в пятьдесят карат. Отдавать племянникам такую уникальную вещицу Иосифу Абрамовичу не хотелось. Едва взглянув на алмаз, он тотчас захотел огранить его сам. В конце концов, он и сам отличный ювелир, и умения у него вполне достаточно, чтобы из такого камня сделать эксклюзивную вещь. Да и потребуется на это не так уж много времени, всего каких-нибудь месяца полтора.

Прежде чем обтачивать камень, племянники тщательно изучали его, создавали на компьютере различные модели готовой продукции и, выбрав наиболее подходящую, приступали к работе. Со всеми этими техническими вещами отмирает душа ювелира, считал Зальцер, притупляется интуиция, а ведь настоящий огранщик должен чувствовать душу камня. Едва притронувшись к нему, он обязан понимать, какая форма для этого камня самая выигрышная. К этому тоже должен быть божий дар. У Иосифа Зальцера он был. Из этого камня должен получиться бриллиант бочковидной формы, с полной огранкой. Зальцер невольно сглотнул, предвкушая,

как свободными вечерами он будет неторопливо, с любовью шлифовать грани.

Зальцер вновь взглянул на алмаз, представив, как тот будет выглядеть, когда завершится огранка. Пожалуй, этот камень он не будет продавать никому. Он поместит его в черную бархатную коробочку и будет любоваться им тоскливыми осенними ночами. Сияние, исходящее от камня, поднимет настроение даже приговоренному к казни.

Выдвинув ящик стола, Иосиф достал фотоальбом.

Это была семейная реликвия, на снимках были запечатлены самые крупные алмазы, которые когда-либо попадали в семью Зальцеров. Первым заносить алмазы в каталог начал еще дед Иосифа – Исаак Зальцер, впоследствии фотографированием алмазов продолжил заниматься уже отец, Абрам Зальцер, а когда сам Иосиф возглавил семейный бизнес, то набор фотографий уникальных алмазов составлял уже целый альбом. Стараясь не отставать от предков, он и сам заносил большие алмазы в каталог, привлекая для изготовления снимков самую современную технику.

Собственно, в альбоме не было необходимости, Иосиф Зальцер обладал уникальной памятью и помнил каждый алмаз, который когда-либо видел. Камни, как и люди, имеют свой неповторимый облик, а ему, потомственному ювелиру, достаточно взглянуть на камень всего лишь однажды, чтобы помнить его всю жизнь. Где-то в ячейках своей памяти он цепко держал тысячи камней.

Одним из самых интересных камней в коллекции был алмаз с собственным именем «Султан». Он напоминал бочку, а треугольные грани только усиливали это сходство. Алмаз попал к его отцу в самом начале Второй мировой войны. Принес ему этот камень на сохранение его двоюродный брат, служивший в то время в Ставке Верховного. Впоследствии родственник так и не объявился, его судьба осталась неизвестной. Поговаривали, что его заперли в одном из полярных лагерей, где он, собственно, и сгинул. Но что с ним на самом деле точно не знал никто. А алмаз «Султан» незадолго до окончания войны был изъят при обыске. Тоже довольно странная история... Отец был непоколебимо уверен, что сотрудники НКВД приходили именно за этим камнем, и осталось только гадать, каким образом они узнали о его существовании.

Иосиф Абрамович открыл альбом на двадцать четвертой странице, именно на ней был запечатлен алмаз «Султан». Фотография была выполнена очень качественно, на хорошей фотобумаге, так что можно было быть уверенным, что она не покоробится и не пожелтеет даже через сто лет.

Разжав ладонь, он положил камень именно под тем самым ракурсом, в котором была выполнена съемка, и сравнил камень и его изображение: грани совпали полностью и сомнению уже не было места. Иосиф счастливо улыбнулся – «Султан» вернулся в дом Зальцеров. Ему очень хотелось знать, какой же путь проделал этот алмаз, прежде чем он попал в

руки к старику. Но пусть уж лучше это останется тайной. Не исключено, что после обыска камень достался одному из руководящих работников НКВД, а уж там, попутешествовав по рукам, каким-то образом попал к Павлу Александровичу.

Иосиф подошел к небольшой картине, висевшей на стене. За ней находился небольшой щиток. Распахнув дверцу, он сначала щелкнул крохотным рычажком, затем повернул небольшое колесико, заблокировав его на цифре шесть, и когда оно вышло из пазов, поднятое пружиной, набрал код. С мелодичным музыкальным сопровождением приоткрылась дверца сейфа. Все! Путь к сокровищам свободен.

Взяв пачку валюты, Иосиф отсчитал шестьдесят пять тысяч долларов и сунул их в карман. Возвращаться обратно он не спешил, в комнате был вмонтирован пульт системы видеонаблюдения, позволявший контролировать каждый уголок здания, от входа до чердачных помещений. Но сейчас особый интерес представляла гостевая комната, где остался старик. Порой Иосиф Абрамович специально оставлял посетителя в одиночестве, чтобы посмотреть на него со стороны. И в зависимости от того, как тот вел себя, выстраивал с ним дальнейшие отношения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.